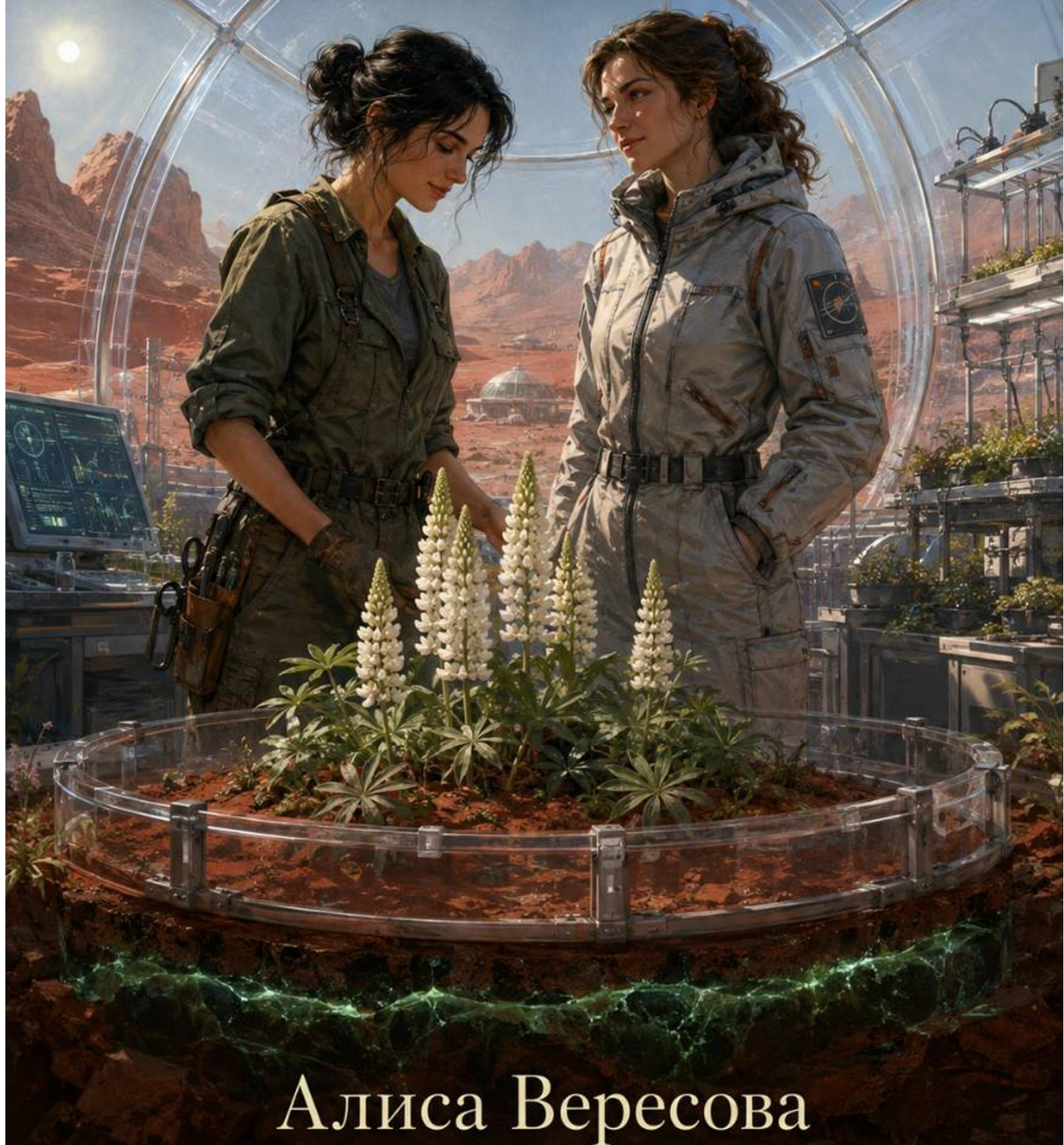

Садовница марсианской весны

Алиса Вересова

Алиса Вересова

Садовница марсианской весны

«Автор»

2026

Вересова А.

Садовница марсианской весны / А. Вересова — «Автор», 2026

Марс, 2112 год. Садовница Ирина Ланская готовит первое открытое цветение, которое должно обеспечить поселению «Эос» будущее. Но у границы сада обнаруживается загадочная М-нить, а земная бактерия меняет её структуру необратимо. Планетологиня Таисия Рен требует остановить проект — даже если исчезнут контракт, урожай и мечта о весне под открытым небом. Чтобы понять цену человеческого сада, Ирина должна рискнуть делом всей жизни, сделать ошибки видимыми и научиться не называть пустым всё, чему наука пока не дала имени. А доверие между двумя исследовательницами придётся строить так же, как безопасную границу: без принуждения, с правом остановиться и спросить снова.

© Вересова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Белый бутон	6
Глава 2. Женщина из карантина	11
Глава 3. Нить под солью	17
Глава 4. Сорок один сол	22
Глава 5. Чужая стерильность	28
Глава 6. Дом, который обещали	34
Глава 7. След в рассоле	40
Глава 8. Наставник	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алиса Вересова

Садовница марсианской весны

От автора

Мы привыкли думать о саде как о безусловном добре. Посадить дерево, вернуть зелень бесплодной земле, заставить цветок раскрыться там, где прежде была одна пыль, — будто бы сама забота оправдывает любой наш шаг. Но всякий сад начинается с границы. Кто выбирает, чему расти? Что мы называем пустотой лишь потому, что не умеем её прочесть? И можно ли построить новый дом, не объявляя всё незнакомое материалом для него?

Эта история родилась из таких вопросов. В ней нет простого противостояния прогресса и запрета, людей и природы, любви и долга. Её героини работают с неполным знанием, а последствия их решений вполне вещественны: тепло, вода, пища, чужая безопасность и годы труда. Им приходится не угадать единственно правильный ответ, а создать способ отвечать за ошибку до того, как она станет необратимой.

«Садовницу марсианской весны» можно читать как роман о первом цветении на другой планете, как историю медленно заработанного доверия или как спор о праве человека менять мир. Для меня эти линии соединяет одна мысль: забота начинается не с уверенности в собственной правоте, а с готовности услышать границу — и изменить замысел, пока ещё возможно сохранить и мечту, и то, чему мы пока не нашли имени.

Глава 1. Белый бутон

За сорок один сол до цветения бутон был величиной с ноготь и весил меньше капли воды.

Ирина Ланская всё равно заметила его прежде, чем планшет успел подсветить растение рамкой. Среди ровных рядов люпина, прижатого к тёмному грунту собственными широкими листьями, белела тугая складка. Не цветок ещё — обещание цветка, спрятанное в зелёном кулаке.

Она опустилась на колено возле гряды. Под подошвами хрустнула соляная корка, тонкая, как первый лёд. Здесь, в демонстрационной камере, давление уже подняли до трети рабочего, и скафандр казался нелепой предосторожностью: прозрачный шлем, мягкие перчатки, аварийный запас кислорода на груди. Но за двумя слоями стекла лежала долина Нереиды, и ветер перебрасывал по ней рыжую пыль со скоростью, при которой голая ладонь прожила бы секунды.

Ирина коснулась датчиком основания стебля.

— Двенадцать и восемь, — сказала она.

Система записала температуру корня. Влажность — семь процентов выше расчётной. Натяжение стебля устойчивое. Белая складка дрогнула под потоком воздуха, который имитировал будущую открытую площадку.

— Ты рано, — шепнула Ирина растению.

Люпин, конечно, не отвечал. Он вообще не должен был торопиться. Сорт «Заря» выводили восемнадцать лет: короткие междоузлия, восковой лист, корни, терпящие перхлорат после биологической очистки, и цветок, способный раскрыться за два часа тепла. Все модели обещали первый бутон через четыре сола.

Ирина сфотографировала его без увеличения. Так белая точка почти терялась на фоне листьев. Именно этот снимок она хотела сохранить — не для отчёта и не для земной трансляции, а для себя. Марс ещё не уступил им ни пяди открытой земли. Он только позволил увидеть, сколько труда потребуется за право попросить.

В наушнике щёлкнул канал.

— Скажи, что ты уже идёшь, — произнёс Дамир Коваль.

— Уже иду.

— Ты стоишь на одном месте семь минут.

Ирина подняла голову к камере под потолком.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Даю возможность соврать вежливо. Совет собрался.

— Совет собирается каждый раз, когда Земля присылает новую форму.

— Сегодня Земля прислала транспорт.

Это заставило её выпрямиться. На внутренней поверхности шлема открылось сообщение: «КОВАЛЬ. ПРИОРИТЕТ». Под ним — схема орбит. Грузовой корабль «Меридиан» мог включить «Эос» в осеннее окно, если поселение подтверждало новый класс биологической устойчивости. Если нет, следующий тяжёлый груз приходил через четыреста восемьдесят суток.

Ирина посмотрела на бутон. Такой маленький, а уже держал на себе чужие лекарства, запасные мембраны, подшипники зеркального роя и возвращение людей, которые отработали контракт.

— Через десять минут, — сказала она.

— Через пять.

— Тогда получишь меня без итогового обхода.

Дамир помолчал.

— Семь. И принеси хорошие новости.

— Я приношу точные.

— Сегодня попробуй совместить.

Канал закрылся.

Ирина пошла вдоль гряд, касаясь контрольных меток носком ботинка. Сто двадцать восемь растений. Три года в закрытых камерах, ещё два — в заглублённой теплице. Теперь оставалось провести их через «весеннее окно»: сорок один сол усиленного света от орбитальных зеркал и тепла из сети «Капилляр». В последний день купол над демонстрационным сектором раскроется. На несколько часов белые цветы окажутся под настоящим марсианским небом.

Люди называли это первым садом. Ирина запрещала своей команде так говорить. Сад начинался не с цветка, а с повторяемости: посеять, собрать семена, восстановить воду, не оставить после себя ядовитую землю. Пока у них был только опытный сектор и красивое обещание.

У служебного шлюза мигнул жёлтый индикатор нижнего фильтра.

Один раз — предупреждение. Второй — запрос ручного осмотра.

Ирина уже опаздывала. Она могла передать запрос дежурному и уйти к совету. Автоматика не обнаружила разгерметизации, частицы оставались в пределах нормы, линия отвода работала. Но датчик влажности у первой гряды тоже показывал лишние семь процентов, а избыток воды на Марсе редко оставался мелочью.

— Камера, задержать выход. Локальный осмотр фильтра два-бэ.

— Подтвердите нарушение графика совета, — ответил спокойный голос системы.

— Подтверждаю.

Нижний фильтр помещался под решётчатым настилом. Ирина сняла секцию пола и легла на живот, подсвечивая узкую шахту с запотевшими трубами. Тепло от «Капилляра» проходило здесь перед сбросом в гряды. На корпусе фильтра блестела капля.

Всего одна. Круглая, тяжёлая, невозможная в исправной линии.

Ирина подставила пробирку, повернула воротник клапана и сняла давление. Капля вытянулась и упала внутрь. За ней на белой керамике открылся след — тонкая зеленоватая кайма, похожая на тень от листа.

Она перестала слышать вентиляцию.

Зелёный цвет сам по себе ничего не значил. Медная соль. Остаток питательной смеси. Краситель из контрольной кассеты. В камере росли земные растения, и странно было бы бояться каждой земной молекулы.

Странным было другое: контур два-бэ считался стерильным после тройной промывки. По нему должен был идти только очищенный рассол, прежде чем смешаться с питанием. Если сюда попала органика, значит, барьер работал не так, как показывал журнал.

Ирина приблизила лампу. Кайма состояла из отдельных круглых пятен. Они теснились вдоль микроскопической царапины, будто использовали её как русло.

— Зафиксировать время, — сказала она. — Снять историю клапанов два-бэ за шестьдесят солов. Ограничить циркуляцию в первой гряде до пяти процентов.

— Снижение потока создаст риск для цветочной фазы.

— Знаю.

— Для операции требуется причина.

Ирина задержала палец над вариантами. «Подозрение на биологическое загрязнение» автоматически поднимало общий карантин, запирало сектор и отправляло сигнал комиссии планетарной защиты. Через девять часов в «Эос» должна была прибыть их представительница. Если тревога окажется ложной, Ирина потеряет драгоценный цикл питания и, вероятно, первый бутон. Если не окажется — девять часов свободной циркуляции разнесут неизвестное по всей сети.

Она выбрала «диагностическое обслуживание».

Поток упал. Листья ближайшего люпина едва заметно опустились.

— Ирина, — снова позвал Дамир, уже без приветствия. — Семь минут закончились.

— Нашла конденсат в нижнем фильтре.

— Авария?

— Пока нет.

— Тогда совет.

— Мне нужен экспресс-анализ.

— Тебе нужен контракт на реагенты для этого анализа. Замкни круг.

Она сняла пробу с каймы стерильным тампоном, запечатала его и только тогда ответила:

— Дамир, если скажу «хорошие новости», а потом закрою сектор, круг замкнётся на моей шее.

— Никто не просит лгать. Покажи бутон. Объясни график. Остальное после.

Остальное после. Эта формула построила половину «Эоса». Сначала пустить жилой модуль, после проверить швы. Сначала включить реактор, после заменить датчики. Сначала вырастить еду, после решить, что делать с отходами. На Марсе отсрочка часто была единственным способом дожить до правильного решения. И так же часто она превращала временную меру в устройство мира.

— Анализ займёт двадцать минут, — сказала Ирина.

— Через двадцать минут совет проголосует без тебя.

— Пусть.

На линии послышался выдох.

— Ты действительно готова отдать им проект из-за капли?

Ирина снова посмотрела на белый бутон. Он был результатом тысяч маленьких решений, ни одно из которых не выглядело судьбоносным: добавить соли, снизить свет, выбросить слабый росток, повторить неудачный цикл. Возможно, поэтому люди так любили церемонии. Они позволяли указать на один миг и сказать: вот когда всё произошло.

— Я готова потратить двадцать минут, чтобы не отдавать проект из-за капли, — ответила она.

Она перенесла пробирки в малый анализатор у шлюза. Большая лаборатория находилась через два перехода, но выход из сектора потребовал бы полной очистки. Малый прибор умел различать соли, белки и несколько сотен штатных земных организмов. Для уверенного вывода его не хватало. Для решения о тревоге — должно было хватить.

Первая проба, из капли, показала воду, магний, следы фосфата и органический углерод.

Вторая, с зелёной каймы, дала пик белка.

Ирина запустила повтор. Прибор попросил восемь минут.

Она вызвала дежурную садовницу:

— Лея, отключи автоматическое выравнивание первой и второй гряд. Ничего не открывай вручную. Возьми журналы питательных кассет за сто солов.

— Что ищем?

— Пока ошибку датчика.

— А если не её?

— Тогда скажу.

Лея не стала спорить. В этом и заключалось доверие команды — не в том, что они соглашались, а в том, что знали момент, когда вопрос должен подождать.

На экране появился вызов от Ники. Ирина приняла его плечом, не отрывая взгляда от анализатора.

Сестра сидела в орбитальном центре, пристёгнутая к креслу тонким ремнём. За её спиной медленно вращалась схема зеркального роя: четырнадцать светлых лепестков над красным шаром.

— Мне сказали, у тебя бутон, — произнесла Ника.

— Один.

— И ты не прислала фотографию.

— Ещё не цветок.

— Ты и в детстве не показывала пирог, пока не вытащишь из формы. Потом удивлялась, что я съела край.

Ирина улыбнулась против воли и отправила снимок.

Ника замолчала. На её лице исчезла обычная быстрая насмешка.

— Красивый, — сказала она. — Даже пока страшный.

— Он не страшный.

— Всё, чего долго ждёшь, страшное, когда наконец начинается. Мы подтвердили коррекцию на утро. После неё у тебя будет ещё четыре десятых киловатта на квадрат.

— Не подтверждай до моего сигнала.

— Почему?

Анализатор отсчитывал две минуты. Ирина могла сказать про фильтр. Ника имела доступ к энергетическим журналам и могла увидеть ограничение потока сама. Но сказать означало сделать подозрение общим, а Ирина ещё не знала, чего именно подозревает.

— В первой гряде лишняя влажность. Проверяю.

— Отложить коррекцию можно на один виток. Потом потеряем угол и сутки света.

— Один виток.

— Ира, транспортный совет...

— Уже знаю.

Ника прищурилась. Она всегда слышала то, что сестра пыталась спрятать за короткой фразой.

— Ты опять хочешь сначала всё починить, а потом сообщить, что была проблема?

— Я хочу понять, есть ли проблема.

— Это не одно и то же.

Связь оборвалась раньше, чем Ирина нашла ответ. На экране анализатора заполнилась синяя полоса.

«Совпадение: *Terrabacillus viridis*. Вероятность 0,82».

Ирина прочла строку дважды.

Бактерию использовали в ранних системах очистки грунта: она связывала остаточный фосфат и погибала после удаления питательной среды. В демонстрационном секторе её быть не могло. Последнюю живую культуру утилизировали два года назад. По крайней мере, так утверждал журнал.

Она открыла карточку организма. Внизу мигало новое примечание, добавленное комиссией семь солов назад: «При обнаружении вне разрешённого контура сохранить образец. Исключить контакт с материалом категории NER-M».

Категория была ей незнакома.

— Расшифровать NER-M.

— Данные ограничены до прибытия уполномоченного специалиста.

— Время прибытия?

— Девять часов двенадцать минут.

Значит, представительница комиссии летела не на обычную проверку. Она уже знала, что искать.

Ирина посмотрела сквозь стекло на ряды люпина. Первая гряда получала пять процентов потока. Вторая — сто. Между ними лежало меньше метра грунта и сеть тонких труб, которую они считали разделённой, потому что так показывали схемы.

Белый бутон стоял именно в первой гряде.

Она могла поднять общую тревогу сейчас. Автоматика зальёт контур стерилизующим раствором, и нежные корни «Зари» не переживут смены кислотности. Проект закончится за сорок один сол до своего доказательства — из-за результата с вероятностью восемьдесят две сотых и закрытой пометки неизвестной категории.

Или она могла повторить анализ в большой лаборатории. Двадцать минут на очистку, семь на переход, пятнадцать на тест. Меньше часа. Поток уже ограничен. Образец сохранён. Риск измерим.

Ирина включила протокол переноса и наконец выбрала формулировку для журнала: «Подозрение на нарушение стерильного барьера. Локальная изоляция. Подтверждение до общего карантина».

Система предупредила:

— Решение принято ответственным агроэкологом. Укажите предел ожидания.

— Сорок пять минут.

Она запечатала две пробы в контейнер и третью оставила в холодном сейфе. Потом подошла к первой гряде.

Бутон не изменился. Белая складка всё так же выглядывала из зелёного кулака, и от этого становилось не легче, а труднее. Растение не знало о транспортном контракте, закрытой категории и земной бактерии в фильтре. Оно делало ровно то, для чего его создавали.

Ирина провела перчаткой над листьями, не касаясь их.

— Не раскрывайся пока, — сказала она.

На этот раз просьба была не лаской.

Когда внутренний шлюз закрылся за ней, на панели появился входящий пакет от комиссии. Только имя и служебный статус:

«Таисия Рен. Планетарная защита. Полномочия на остановку биологических контуров».

Ни приветствия, ни цели визита.

Ирина закрепила контейнер с пробами на груди и запустила очистку. Белая пена закрыла стекло, отрезав её от сада. Сорок пять минут казались разумной отсрочкой. За это время можно было получить точный результат, предупредить команду и встретить Таисию Рен не с догадкой, а с данными.

Она ещё не знала, что в истории клапанов отсутствовали шесть минут.

Глава 2. Женщина из карантина

Таисия Рен прибыла на семь часов раньше собственного посадочного модуля.

Ирина узнала об этом, когда дверь большой лаборатории отказалась открываться после очистки. Вместо зелёного круга на панели появился белый знак планетарной защиты, а затем голос, незнакомый и слишком спокойный для аварийного канала:

— Ирина Ланская, оставьте контейнер в передаточном боксе. Крышку не вскрывать.

— Я уже вскрыла первую пробу. Повторный анализ идёт.

— Поэтому и прошу не вскрывать вторую.

За стеклом двери стояла женщина в дорожном скафандре без внешнего слоя пыли. Значит, вошла не через западный посадочный шлюз, а из орбитального лифта на грузовой капсуле. На плече костюма темнела нашивка комиссии, ниже — имя: Т. Рен. Короткие чёрные волосы ещё хранили след от подшлемника. Она не касалась панели и не смотрела на Ирину; её взгляд был прикован к контейнеру на груди.

— Вы должны были прилететь через девять часов, — сказала Ирина.

— Мой багаж должен. Я сменила транспорт, когда пришло уведомление о падении потока в два-бэ.

— Уведомление было внутренним.

Теперь Таисия посмотрела ей в лицо.

— Уже нет.

Анализатор за спиной Ирины подал сигнал. На экране совпадение поднялось до девяноста четырёх сотых. *Terrabacillus viridis*. В пробе были живые клетки, немного фосфата и белковый фрагмент, которого база сада не распознала.

Ирина повернула экран к стеклу.

— Подтверждение. Я готова изолировать первую гряду и фильтр.

— Уже изолированы фильтр, гряда и подающая ветвь до коллектора.

— Вы закрыли «Капилляр»?

— Одну линию.

Ирина вызвала схему сада. Линия два-бэ стала серой от насоса до распределительной гребёнки. Температура корневой зоны снижалась на две десятых градуса в минуту. Через час растения войдут в защитный режим. Через три сбросят бутоны.

— Откройте дверь.

— Сначала контейнер.

— Внутри лаборатории отрицательное давление. Я не собираюсь выносить пробу в жилой сектор.

— Тогда оставьте её в сейфе и покажите пустые крепления.

Требование было разумным и оттого раздражало сильнее. Ирина убрала обе пробирки в холодный сейф, защёлкнула ячейку и подняла руки. Таисия проверила изображение с камеры, ввела код, и дверь разошлась.

— Где ваш руководитель? — спросила Ирина вместо приветствия.

— На Земле. Где ваш?

— В совете. Пытается получить транспорт для поселения.

— Значит, ближайшие минуты принадлежат нам.

Таисия прошла мимо неё к анализатору и вставила в порт тонкий служебный ключ. Ирина увидела, как прибор скопировал сырой спектр и журналы операций.

— Вы не запросили доступ.

— Полномочие на остановку включает сохранение данных.

— Сохранение — да. Изъятие — нет.

Таисия вынула ключ и положила его на стол между ними.

— Копия остаётся здесь. Можете сверить контрольную сумму.

Ирина сверила. Файлы совпадали.

— Откуда вы узнали про два-бэ?

— Семь солов назад станция у теневой скважины зарегистрировала изменение категории NER-M. Я поставила уведомление на любую операцию в связанных контурах.

— Связанных чем? По нашим схемам, сад и скважина разделены шестью метрами породы и двумя обратными клапанами.

— По вашим схемам.

Таисия раскрыла на стене карту долины. Ирина знала её до последней отметки: купола «Эоса» у восточного склона, зелёный прямоугольник «Зари», тонкие синие ветви «Капилляра», уходящие к тепловым скважинам. Но поверх привычного чертежа легла новая сетка — бледные извилистые линии, похожие на прожилки в камне.

— Категория NER-M, — сказала Таисия. — Не организм и не месторождение. Рабочее обозначение для повторяющейся структуры в рассоле долины Нереиды. Мы называем её М-нитью.

— Кто — мы?

— Четыре лаборатории и комиссия. Пока данные были слишком неоднозначны для общего сообщения.

— Но достаточно однозначны, чтобы закрыть мой сад.

— Я закрыла линию, в которой вы нашли земную бактерию, несовместимую с вашим протоколом. М-нить определяет цену ошибки, а не сам факт ошибки.

На карте одна из бледных линий подходила к демонстрационной камере снизу и обрывалась почти под первой грядой.

— Что это такое?

— Я не знаю.

Ответ прозвучал без защиты и без желания понравиться.

— Минеральная плёнка может собираться в ритмические цепочки при перепадах температуры. Рассольные колонии могут делать то же самое. Есть и другие объяснения. Ни одного достаточного.

— Тогда почему материал закрыт?

— Потому что незнание не делает вмешательство обратимым.

Ирина приблизила карту. Под слоем схемы стояли даты. Первые наблюдения начались одиннадцать месяцев назад. Самое свежее — семь солов назад, именно тогда, когда комиссия добавила предупреждение в карточку бактерии.

— Покажите изменение.

Таисия на мгновение задержала палец над экраном, словно решала, входит ли просьба в её полномочия. Затем открыла два спектра.

На первом тянулись равномерные пики: три коротких, один высокий, пауза. Узор повторялся почти точно, хотя абсолютная сила сигнала плавала. На втором ритм был смазан. Высокие пики распались, между ними вырос широкий зелёный фон.

— Первый образец взят из теневой скважины двенадцать солов назад, — сказала Таисия. — Второй — семь солов назад после появления фосфата и белкового маркера.

— Маркер принадлежит *Terrabacillus*?

— Совпадение девяносто одна сотая. Ваш прибор получил девяносто четыре.

— Вы знали, что бактерия здесь, до моего анализа.

— Я знала, что у скважины появился её след. Не знала источника.

— И не предупредили сад.

— Предупреждение ушло руководителю поселения и ответственному по защите среды.

— То есть Дамиру.

— И вашему наставнику, Юну Ковалю.

Имя заставило Ирину отвести взгляд от спектра. Юн три года утверждал протоколы «Зари». Он проверял старые картриджи, спорил с ней о каждой питательной линии и вчера прислал шутивное сообщение: «Не дай комиссии напугать цветы». Если он видел предупреждение, то знал, чего именно боится комиссия.

— Когда они получили сообщение?

— Шесть солов назад.

В истории клапанов отсутствовали шесть минут. Ирина ощутила, как совпадение пытается сложиться в обвинение, и остановила себя.

— Это пока ничего не доказывает.

— Согласна.

Таисия не воспользовалась её гневом. Не подсказала виновного, не подтолкнула к выводу. Просто вернула на экран оба спектра.

— Что именно изменилось в М-нити? — спросила Ирина.

— Её структура теряет повторяемость рядом с бактериальным следом. Мы не знаем, разрушение это, фазовый переход или временная реакция на фосфат.

— А вы остановили тепло. Если структура зависит от температуры, ваш карантин тоже меняет свидетельство.

Впервые в лице Таисии что-то дрогнуло. Она быстро открыла тепловую карту и наложила прогноз охлаждения. Бледная линия под грядой уже сжималась вместе с голубой областью.

— Температура в коллекторе? — спросила она.

— Упадёт ниже минус двадцати двух через сорок минут. Рассол начнёт осаждать соли раньше.

— Можно оставить тепло без потока?

— В штатном режиме нет. «Капилляр» греет циркуляцией.

— В нештатном?

Ирина увеличила узел. Можно было замкнуть короткую петлю между насосом и первой грядой, не выпуская воду дальше. Но растения остались бы на собственном запасе влаги, а фильтр — в неподвижной среде. Они сохраняют температуру и одновременно остановят перенос.

— Двенадцать часов, — сказала Ирина. — Потом корни начнут задыхаться, даже если лист выглядит нормально.

— Мне нужно двадцать четыре.

— Через двадцать четыре вы получите мёртвые растения, разрушенный температурный профиль и объяснение любой перемены сразу тремя причинами. Это не карантин, а потеря опыта.

— Через двенадцать мы можем не получить уверенного результата.

— А через двадцать четыре точно не получим чистого.

Таисия изучала схему, не Ирину. Это тоже было непривычно. Обычно люди, споря с главным агроэкологом, следили за её лицом, будто там появится уступка раньше, чем в расчётах.

— Какие операции потребуются для короткой петли?

— Закрыть два клапана, открыть байпас и перевести насос на восемнадцать процентов.

Всё из изолированного пульта.

— Без входа в камеру?

— Да.

— Риск обратного выброса?

— Если байпас держит — меньше одной тысячной. Если не держит, давление уйдёт в контрольную кассету, не в долину.

— Кассету потом уничтожить.

— После отбора проб.

— До.

— Тогда мы потеряем единственное место, где увидим границу переноса.

Они замолчали. Насос два-бэ на схеме оставался серым, температура продолжала падать. За стеной лаборатории прошла группа школьников — Ирина услышала их приглушённые голоса и стук ладоней по обзорному стеклу. Дети приходили смотреть на бутон каждое утро. Сегодня стекло уже должно было стать непрозрачным.

— Вы хотите сохранить сад, — сказала Таисия.

— Я хочу сохранить данные.

— И сад.

— Да. Представьте себе, два результата иногда можно сохранить одновременно.

Таисия приняла резкость без ответа.

— Я хочу сохранить то, чему мы пока даже не умеем дать имя.

— Тогда не замораживайте его ради красивой изоляции.

Ирина открыла модель байпаса. В ней было восемь допущений, три из которых зависели от реального состояния старых уплотнений. Таисия просмотрела их одно за другим.

— Двенадцать часов локального карантина, — сказала она наконец. — Нулевой обмен с остальным «Капилляром». Короткая тепловая петля. Отбор из контрольной кассеты через дистанционный порт через два, шесть и одиннадцать часов. На двенадцатом часу — совместное решение о продлении или стерилизации.

— Никакой стерилизации без анализа воздействия на М-нить.

— Совместное решение, — повторила Таисия. — Если возникнет утечка, я закрываю всю сеть без вашего согласия.

— Если возникнет утечка, я сама её закрою.

— Мне нужно не обещание, а запись.

Ирина включила протоколирование.

— Ответственный агроэколог Ирина Ланская принимает локальный карантин линии два-бэ на двенадцать часов. При падении давления в контрольной кассете, обнаружении *Terrabacillus viridis* за пределами изолированной петли или несанкционированном открытии клапанов вводится общий карантин.

Таисия добавила:

— Представительница планетарной защиты Таисия Рен принимает сохранение теплового режима как условие чистоты наблюдения. Окончание локального карантина не означает автоматического возобновления цветочного протокола.

Ирина выключила запись.

— Вот об этом мы не договаривались.

— О цветении мы вообще не договаривались.

— Оно состоится через сорок один сол.

— Если не создаст необратимого загрязнения.

— Вы ещё не доказали, что М-нить можно загрязнить.

— А вы не доказали, что цветение безопасно.

Между ними снова лежал тот же спор, только теперь у него были числа, температура и маленький белый бутон по другую сторону стены.

Таисия первой отвела взгляд.

— Запускайте петлю. Я проверю кассету.

Ирина ввела свою часть кода. Таисия — вторую. На схеме закрылись два клапана, открылся байпас, и серый участок постепенно стал янтарным. Насос набрал восемнадцать процентов. Температура перестала падать на отметке минус восемнадцать и четыре.

В камере «Зари» включилась резервная съёмка. На изображении листья люпина были опущены, но не свернулись. Белый бутон качнулся, когда по трубам прошла первая волна тепла.

— Он раскроется? — спросила Таисия.

— Не сегодня.

— Я спрашивала не про сегодня.

Ирина посмотрела на неё. Вопрос не был насмешкой. Таисия действительно хотела знать, но не обещала, что позволит.

— Если корни переживут эти двенадцать часов, раскроется.

На служебном канале вспыхнул вызов Дамира. Ирина приняла его на общий экран.

— Ты пропустила голосование, — сказал он. — Совет утвердил трансляцию и дату. Где ты?

— В лаборатории. Линия два-бэ на карантине.

Дамир замолчал ровно настолько, чтобы молчание стало признанием.

— Общем?

— Локальном. Двенадцать часов.

— Кто санкционировал?

Таисия шагнула в поле камеры.

— Таисия Рен, комиссия планетарной защиты. Доброе утро, господин Коваль.

Дамир быстро справился с выражением лица.

— Вы прибыли раньше графика.

— Как и проблема.

— Совет должен знать, влияет ли это на цветение.

— Влияет, — сказала Ирина. — Насколько, узнаем через двенадцать часов.

— Мне нужен ответ до следующего сеанса связи с «Меридианом».

— Точный или хороший?

Он узнал собственные слова и не улыбнулся.

— Пригодный для решения.

— Тогда передай совету сырой протокол. Без сокращений.

— Ира, жители услышат слово «бактерия» и решат, что сад заражён.

— Он заражён.

Таисия посмотрела на неё, но не вмешалась.

— Пока локально, — продолжила Ирина. — И пока мы не знаем последствий. Так и скажи.

— Ты понимаешь, что транспортный контракт...

— Понимаю. А ты понимаешь, что предупреждение о М-нити пришло тебе шесть солов назад?

Дамир не ответил сразу.

— Это закрытая информация комиссии.

— Я отвечаю за систему, которая с ней соприкасается.

— Мы собирались сообщить после подтверждения.

— Остальное после, — сказала Ирина.

Связь прервал Дамир.

В лаборатории стало слышно, как работает вентилятор анализатора. Таисия собрала волосы резинкой, снятой с запястья, и открыла расписание проб.

— Он будет пытаться снять карантин через совет.

— Не сможет. Под записью два ключа.

— Сможет сделать цену карантина вашей личной виной.

Ирина снова вывела изображение гряды.

— Цена и так моя. Я посадила эти растения.

— Это не одно и то же.

Фраза прозвучала почти как отзвук Никиных слов. Ирина хотела спросить, что именно Таисия считает не одним и тем же, но на карте мигнул первый пакет данных из контрольной кассеты.

Зелёный пик был слабым, однако различимым. Рядом с ним проступал ритм М-нити: три коротких, один высокий, пауза. На следующем отрезке высокий пик распался надвое.

Таисия наклонилась к экрану так близко, будто могла удержать узор взглядом.

— Вот, — тихо сказала она. — До контакта и после.

— Это один временной ряд.

— Да.

— Без контроля он ничего не доказывает.

— Да.

Ирина ожидала спора и вдруг его не получила. Только женщину, прилетевшую на грузовой капсуле без вещей, чтобы увидеть, как исчезает нечто, чему она отказывалась дать удобное имя.

— Через два часа возьмём образец у теневой скважины, — сказала Ирина. — И второй — выше по потоку, где нет зелёного пика.

— Доступ к скважине у моей группы.

— Доступ к питательной петле у моей.

Таисия выпрямилась.

— Значит, придётся работать вместе.

За стеклом лаборатории служебные панели одна за другой становились белыми: карантин распространял свои границы не по трубам, а по правам доступа. Внутри камеры бутон оставался закрытым. Под ним, в тёплом рассоле, земная бактерия и М-нить уже оставили общий след.

Двенадцать часов не могли решить, будет ли весна.

Но они могли показать, что именно люди успели изменить, пока считали долину пустой.

Глава 3. Нить под солью

К теневой скважине вели триста двенадцать метров коридора и семьдесят лет человеческой уверенности, что под ногами лежит только камень.

Ирина шла первой, толкая перед собой герметичный столик с контейнерами. После перехода от жилых модулей стены перестали быть белыми. Здесь их покрывал напылённый базальт, а кабели шли открыто, собранные в жгуты. Через каждые двадцать метров висели аварийные маски. «Эос» заканчивался не дверью, а постепенным исчезновением отделки.

Таисия держалась на два шага позади. Она успела сменить дорожный костюм на серый комбинезон полевой группы, но багаж всё ещё летел по прежнему маршруту. Перчатки ей выдали в лаборатории сада; пальцы были чуть коротки, и Таисия постоянно одёргивала ткань.

— У вас нет подходящей пары? — спросила Ирина.

— Есть. В модуле, который прибудет через шесть часов.

— Эти снижают точность захвата.

— Поэтому пробу берёте вы.

Ответ был практическим, без попытки доказать независимость ценой результата. Ирина отметила это и сразу рассердилась на себя за то, что отмечает.

У последнего шлюза их ждала Мара Соловей, координатор общественных систем. Она принесла два плоских ключа и термос с синим треугольником столовой.

— Совет назначил меня наблюдателем, — сказала она. — И кормильцем. Вы обе пропустили завтрак.

— В карантинной зоне нельзя есть, — ответила Таисия.

— Поэтому термос останется здесь и будет укоризненно ждать.

Мара была старше Ирины на девять лет и умела произносить официальные распоряжения так, будто приглашала соседей чинить общую дверь. На её планшете уже был открыт протокол доступа.

— Дамир хотел прислать техника службы безопасности, — продолжила она. — Я объяснила, что свидетель с оружием хуже свидетеля с правом подписи.

— У нас нет оружия, — сказала Ирина.

— Именно поэтому объяснение сработало.

Они сверили пломбы. Скважина N-4 находилась не снаружи, а в нижнем техническом кармане станции — цилиндр глубиной сорок два метра, пробурённый ещё до основания поселения. Когда-то из него брали лёд для первых жилых модулей. Потом в рассоле обнаружили слишком много магния, и скважину оставили для наблюдений.

Таисия открыла шлюз своим ключом. Ирина — своим. Мара записала время.

Внутри было холоднее на двенадцать градусов. Лампы горели вполсилы, чтобы не нагревать устье. В центре круглой камеры стояла обсадная труба, окружённая кольцом датчиков. Соляной налёт поднимался по ней белыми лепестками. За стеклянным экраном медленно ходил автоматический пробоотборник.

— Вот ваша нить? — спросила Мара.

— Нет, — сказала Таисия. — Это соль.

— Успокаивает.

— М-нить нельзя увидеть глазом при таком масштабе. Мы восстанавливаем структуру по рассеянию света и электрическому отклику.

Ирина обошла трубу. Система «Капилляра» проходила в шести метрах отсюда, но на карте Таисии связь выглядела почти прямой. Она приложила тепловой датчик к полу. Под правой опорой температура была выше на четыре десятых градуса.

— Ваши прежние пробы брали отсюда?

Таисия указала на два порта: нижний, рабочий, и верхний, контрольный.

— Из нижнего. Верхний не открывали двести солов.

— Почему?

— Он даёт слишком мало жидкости.

— Зато находится выше бактериального следа.

Ирина подсветила схему породы. Капиллярная трещина соединяла оба уровня, но рассол двигался снизу вверх лишь во время суточного прогрева. Сейчас, в тени, поток почти стоял.

— Если взять из верхнего сейчас, получим образец до контакта с тем, что пришло снизу.

— Или старый осадок без М-нити, — сказала Таисия.

— Это тоже контроль.

Мара подняла планшет.

— Записываю: верхний порт предложен Ланской, неопределённость признана обеими. Продолжайте быть неприятно разумными.

Они установили три пустые кассеты. Первую подключили к нижнему порту, вторую к верхнему, третью оставили запечатанной как контроль среды камеры. Ирина работала дистанционными щипцами. Тугие перчатки Таисии действительно помешали бы: хрупкая соль вокруг верхнего соединения могла осыпаться внутрь.

— Давление восемь и две, — сказала Ирина.

— Скорость не выше трёх миллилитров в минуту, — ответила Таисия.

— При трёх сорвёт осадок. Ставлю одну и восемь.

Таисия проверила расчёт и кивнула.

Из верхнего порта сначала вышел газ. Потом в прозрачной трубке появилась капля — мутная, почти неподвижная. Она медленно прошла через оптическое окно. На экране рассеяния возникли четыре пика.

Три коротких. Один высокий.

Пауза.

Снова три коротких.

Таисия перестала дышать на полуслове. Ирина поняла это по внезапной тишине в общем канале.

— Повтор есть, — сказала Мара.

— Есть сигнал, похожий на повтор, — поправила Таисия. — Шесть циклов недостаточно.

— Сколько достаточно?

— Чтобы перестать бояться случайности — сто. Чтобы понять причину — намного больше.

Кассета набиралась четырнадцать минут. За это время узор повторился восемьдесят семь раз. Дважды высокий пик становился ниже, один раз исчезла первая короткая вершина. Средняя периодичность оставалась устойчивой.

Ирина смотрела не на красивый ритм, а на сопутствующие значения. Органический углерод ниже чувствительности. Фосфат — следовой. Белковый маркер бактерии не обнаружен. Температура колебалась в пределах одной сотой.

— Неповреждённый образец, — сказала Мара.

— Не используйте это слово в протоколе, — попросила Таисия.

— Почему?

— Потому что оно предполагает, что мы уже знаем норму. Пишите: «образец без обнаруженного бактериального маркера, с устойчивой периодичностью».

Мара послушно внесла формулировку.

Ирина вспомнила, как Таисия отказалась назвать М-нить жизнью, хотя это слово дало бы комиссии больше власти, а её работе — больше значения. Осторожность могла быть способом ничего не решать. Здесь она была способом не присвоить вывод раньше данных.

— Вы всегда исправляете слова? — спросила Ирина.

— Когда слова начинают принимать решения за нас.

— А «планетарная защита» ничего не принимает заранее?

Таисия посмотрела на неё поверх прозрачного экрана.

— Принимает. Поэтому мне приходится быть особенно точной.

Нижняя кассета заполнялась быстрее. В её спектре зелёный белковый пик появился почти сразу. Ритм М-нити сохранялся первые девять циклов, затем высокий пик раздвоился, а пауза стала короче.

Ирина сопоставила время изменений с концентрацией фосфата.

— Смотрите. Раздвоение начинается не при росте фосфата, а после белкового пика.

— Корреляция на одной пробе.

— У вас есть прежние ряды.

Таисия вывела архив. Они наложили пять записей друг на друга. В трёх бактериальный маркер появлялся раньше изменения ритма. В двух измерение начиналось слишком поздно.

— Если причина — бактерия, — сказала Мара, — почему верхний образец сохранился? Трещина общая.

— Потому что бактерии нужен фосфат, — ответила Ирина. — Вверх он почти не доходит. Или не доходил до запуска весеннего питания.

Она открыла химическую схему «Капилляра». Праздничный посев требовал в четыре раза больше фосфата, чем обычные продовольственные культуры. После последней промывки часть раствора могла попасть в древнюю трещину.

— Мы её кормим, — произнесла Ирина.

— Бактерию, — уточнила Таисия.

— Бактерию. И она меняет М-нить.

В этой цепочке всё ещё не хватало звена. *Terrabacillus* официально не существовал в контуре. Даже при наличии пищи ему нужно было откуда-то прийти.

Ирина приблизила белковый спектр. Пик имел маленькое плечо слева — признак оболочки, повреждённой долгим хранением.

— Это не свежая культура.

— Объясните, — попросила Мара.

— У лабораторного штамма ровный пик. Такое плечо появляется после нескольких циклов высушивания и восстановления. Бактерия могла сидеть в старом картридже или биоплёнке, а весенний раствор разбудил её.

— «Разбудил» в протокол не пойдёт, — сказала Таисия.

Ирина улыбнулась прежде, чем успела решить, хочет ли.

— Пишите: «реактивировал».

На экране нижней кассеты ритм исчез. Остался широкий шумовой гребень. Таисия провела пальцем вдоль временной шкалы, проверяя настройки прибора.

— Сорок три минуты, — сказала она. — В прежнем образце это заняло почти три сола.

— Здесь выше фосфат и температура.

— Или мы разрушили структуру самим отбором.

— Верхний образец прошёл через тот же прибор.

— С другой солёностью.

Ирина почувствовала знакомое желание доказать свою версию немедленно. Она могла перечислить, почему различие солёности слишком мало, почему оптика откалибрована, почему последовательность совпадает с бактериальным ростом. Но каждый довод оставлял Таисии новую точку для сомнения. Так спор мог длиться до тех пор, пока сад погибнет или совет снимет карантин.

— Нужен слепой опыт, — сказала она.

Таисия подняла взгляд.

— С кодированными образцами?

— Четыре среды: верхняя М-нить, нижняя изменённая, стерильный рассол и минеральная имитация. В каждую — бактерия, фильтрат без клеток и чистый контроль. Плюс разные уровни фосфата и света.

— Это тридцать шесть кассет.

— С повторами — сто восемь.

— За двенадцать часов не успеем.

— Запуск успеем. Первую кинетику увидим через шесть.

Таисия начала строить матрицу. Возражение превратилось в работу так быстро, что Ирина не сразу это заметила.

— Садовники не должны знать происхождение проб, — сказала Таисия. — Моя группа не должна знать, где бактерия, а где фильтрат.

— Тогда кто держит ключ?

Обе посмотрели на Мару.

Та подняла ладони.

— Я пришла убедиться, что вы не подмените выводы, а не стать частью лаборатории.

— Именно поэтому вы подходите, — сказала Ирина.

— Мне потребуется право остановить опыт при нарушении кода, — добавила Таисия.

— И доступ к сырым данным, — сказала Ирина.

Мара вздохнула.

— Термос, очевидно, был ошибкой. Он создал впечатление, что у меня свободный день. Но ключ приняла.

Они закончили отбор и запечатали порты новыми пломбами. Верхняя кассета лежала отдельно, окружённая мягким серым вкладышем. В ней не было ничего, что можно было уверенно назвать живым. Только рассол, минералы и повтор, слишком устойчивый, чтобы его игнорировать.

У шлюза Мара остановилась перед термосом.

— Пока вы спорили, совет прислал три запроса. Первый: опасно ли это для людей? Второй: придётся ли отменить цветение? Третий: кто виноват?

— Для людей известной опасности нет, — сказала Таисия.

— Цветение нельзя возобновлять до результатов, — сказала Ирина.

— А виноват?

Они промолчали.

— Хорошо, — сказала Мара. — В протоколе будет написано, что третий вопрос поставлен раньше достаточных данных.

Она сняла крышку термоса. Запах горячего тмина на мгновение сделал технический коридор похожим на земную кухню.

Ирина выпила несколько глотков, не снимая внутреннего слоя перчаток. Таисия отказалась, сославшись на режим чистой зоны, но Мара налила вторую чашку и оставила её у границы разметки.

— Режим заканчивается через метр, — сказала она.

Таисия пересекла линию, вернулась и взяла чашку. Ирина снова отметила эту способность: соблюдать правило до самой границы и не делать из лишения добродетель.

В лаборатории их уже ждали Лея и двое техников. Мара забрала исходные обозначения и присвоила кассетам случайные номера. Ирина получила ряд от 401 до 436, Таисия — от 501 до 536. Остальные загрузил автомат, не показывая соответствия.

— Световой режим? — спросила Лея.

— Половина в темноте, половина под весенним спектром, — сказала Ирина.

— Весенний спектр утверждён только для растений.

— Сегодня узнаем, для кого ещё мы его включили.

Они работали молча два часа. Ирина готовила питательные разведения, Таисия проверяла оптические окна и электроды, техники герметизировали кассеты. Мара сидела в соседней комнате перед таблицей кодов, которую не могла открыть без второго ключа архивной системы.

Когда последняя кассета вошла в инкубатор, на общем экране появилось сообщение Ники: орбитальная коррекция окончательно пропущена. Следующий доступный угол — через один сол. Весеннее окно стало короче прежде, чем совет официально признал задержку.

Ирина закрыла уведомление.

— Вы потеряли сутки света, — сказала Таисия.

— Мы получили сто восемь шансов понять причину.

— Это не равный обмен.

— На Марсе равных не бывает.

Таисия опёрлась ладонями о край стола. Усталость впервые стала видна: побледневшие губы, красная полоса от старого шлема на лбу.

— На Земле после первого сигнала закрыли бы долину, — сказала она.

— На Земле люди всегда могут отойти дальше.

— Уже не всегда.

Ирина услышала в ответе историю, но не стала требовать её. Вместо этого поставила между ними экран с первыми графиками.

— Кассета четыреста семнадцать. Ритм исчезает через двадцать одну минуту.

— Пятьсот третья — сохраняется.

— Мы не знаем, что внутри.

— Поэтому наконец можем ошибиться честно.

Они смотрели, как линии рождаются и распадаются под чужими номерами. Где-то среди них бактерия действительно разрушала М-нить. Где-то минеральный узор, возможно, менялся сам по себе. До открытия ключа ни Ирина, ни Таисия не могли выбрать удобную правду.

Через стекло была видна камера «Зари». Белый бутон всё ещё не раскрылся. Локальная петля удерживала тепло, но каждый час карантина забирал у растения воду и у поселения уверенность.

Ирина поставила таймер на четыре часа.

— Когда откроем код? — спросила Лея.

— После заранее заданного порога, — ответила Таисия. — Не после красивого результата.

Ирина кивнула.

Под солью они нашли не ответ. Они нашли возможность задать вопрос так, чтобы ни сад, ни страх, ни надежда не могли подсказать ему исход.

Глава 4. Сорок один сол

На экране совета до сих пор горело число сорок один.

Оно стояло в углу праздничной заставки рядом с белым цветком и медленно вращавшимся Марсом. Ни пропущенная коррекция зеркал, ни закрытая линия «Капилляра», ни сто восемь кассет в лаборатории не заставили счётчик признать потерянный сол.

Ирина вошла в зал последней. Садовый комбинезон высох не до конца, на манжетах белели следы солей. Таисия уже сидела у дальней стены за столом приглашённых экспертов. Между ними оставили два пустых кресла, словно неопределённости требовалось отдельное место.

За овальным столом собрались девять членов совета. Остальные жители «Эоса» смотрели трансляцию из столовой, мастерских и жилых ячеек. Мара включила открытый протокол прежде, чем Дамир успел объявить заседание закрытым.

— Обсуждается расход воды и режим карантина, — сказала она. — Это касается каждого. Если потребуются скрыть координаты проб, закроем только приложение.

Дамир посмотрел на значок трансляции и не стал спорить.

— Хорошо. Тогда без вступлений. Можно ли провести цветение в утверждённую дату?

Таисия коснулась микрофона.

— При нынешних данных я не могу признать открытый сектор безопасным.

— Вопрос был не о безопасности, а о возможности.

— Технически можно открыть шлюзы и подать тепло. Техническая возможность не является разрешением.

Несколько лиц на настенных окнах нахмурились. Ирина знала это выражение. Люди слышали не точность формулировки, а то, что чужая специалистка оставляет им обязанность принять плохое решение самим.

Она вывела схему сада.

— Локальный карантин удержится ещё шесть солов, если перевести три гряды на ручное питание. За это время мы получим первую кинетику слепого опыта и проверим старые картриджи. Цветение не отменено. Но дата теперь зависит не от афиши, а от результата.

— На какой день вы предлагаете его перенести? — спросил заведующий транспортом.

— Я не предлагаю новую дату.

По залу прошёл тихий шум.

Дамир убрал праздничную заставку. Под ней появилась таблица поставок. Красные строки занимали почти половину экрана.

— Тогда я переведу вопрос на язык, в котором неопределённость имеет массу. Через сорок солов в орбитальное окно входит «Меридиан». Он везёт два насоса теплового контура, мембраны очистки и лекарства для восемнадцати человек. Обратным рейсом должна уйти смена, которая провела здесь лишние восемь месяцев. Перевозчик согласился сделать посадку, потому что трансляция цветения входит в земной контракт.

— Корабль не исчезнет из-за одной трансляции, — сказала Мара.

— Корабль — нет. Посадочный модуль может остаться на орбите. Каждая тонна спуска оплачена спонсорским пакетом.

На экране возникла сумма. Ирина не стала переводить её в годы своей зарплаты. Она увидела другое: названия лекарств, ресурс мембран, фамилии шестерых людей из списка смены. Среди них была Лея.

— Вы говорили, что транспортный контракт утверждён, — сказала Ирина.

— Он утверждён при выполнении этапов.

— Это не одно и то же.

— Нет. Не одно.

Дамир не отвёл взгляда. Вчера Ирина могла бы принять это за давление начальника, который защищает красивый отчёт. Сегодня таблица не позволяла такой простоты.

— Почему садовая группа не видела приложение с условиями? — спросила она.

— Потому что финансовая часть не меняла ваши технические задачи.

— Теперь меняет.

— Теперь — да.

Таисия запросила слово.

— Зависимость жизненно важных поставок от публичного опыта должна быть внесена в оценку риска. Раньше её там не было.

— Вы предлагаете сообщить перевозчику о загрязнении? — спросил Дамир.

— Я предлагаю не называть рекламный контракт системой жизнеобеспечения, пока жители не знают, что одно привязано к другому.

— А если после этой честности они отменяют посадку?

— Тогда будет ясно, кто именно принял решение.

— Ясность не заменяет антибиотики.

Мара подняла ладонь, останавливая сразу обоих.

— У нас три разных решения, — сказала она. — Первое: что делать с неизвестным процессом в грунте. Второе: как удержать сад. Третье: где взять доставку. Пока мы связываем их в один узел, любой, кто просит осторожности, выглядит так, будто отнимает лекарства.

— Развязать узел за сорок солов вы сможете? — спросил Дамир.

— Если начнём сегодня.

Ирина увеличила схему водного баланса. Синие линии «Капилляра» охватывали жилые блоки и теплицы, сходясь у двух резервуаров. Закрытая петля первой гряды уже потеряла часть воды на отборы и фильтры.

— Мне нужны шесть солов, — повторила она. — Я отключу автоматическую промывку трёх опытных гряд. Мы будем питать корни вручную и собирать каждый дренажный пакет отдельно. Так загрязнение не уйдёт дальше, а посев останется жив.

Инженер водного контура наклонился к экрану.

— Расход?

— Дополнительно девятьсот литров неснижаемого резерва.

— Девятьсот восемьдесят, если учесть промывку костюмов.

— Промывку сократим. В чистую зону войдёт одна смена.

— Тогда восемьсот шестьдесят.

На общей таблице жёлтая полоса жилого запаса стала короче.

— Это двенадцать минут душа на человека до конца недели, — сказал кто-то из совета.

— Одиннадцать, — поправил инженер.

В окнах трансляции появились сообщения. Кто-то предлагал закрыть прачечную, кто-то спрашивал, почему цветам дают воду раньше людей. Ирина читала их, пока строки не начали сливаться.

Белый люпин никогда не был для неё «цветами раньше людей». Он должен был доказать, что поселение способно не только расходовать привезённые запасы. Но вода, отданная будущей независимости, сегодня всё равно уходила из чьей-то чашки и чьего-то умывальника.

— Включите опрос, — сказала она.

Дамир покачал головой.

— Совет не передаёт оперативное управление в общий канал.

— Тогда хотя бы не прячьте цену. Ручной режим нужен не для праздника. Он сохраняет посев до проверки и не даёт загрязнению уйти в сеть. Если жители откажутся от расхода, я заморожу гряды.

При слове «заморожу» у неё свело пальцы. Она сложила руки под столом, чтобы никто не увидел.

Мара вывела три строки: продолжить ручной режим, законсервировать опытный сектор, запросить дополнительный расчёт. Голосование объявили консультативным. В первые секунды впереди была консервация. Затем к каналу подключилась ночная смена мастерских, и полосы сравнялись.

— Решение всё равно принимает совет, — напомнил Дамир.

— Теперь совет знает, перед кем его принимает, — ответила Мара.

Итог оказался неудобным: сорок семь процентов за ручной режим, сорок четыре за консервацию, девять за новый расчёт. Ни мандата, ни отказа.

Дамир закрыл опрос.

— Локальный карантин продлевается на пять солов. Ручное питание разрешено с лимитом восемьсот шестьдесят литров. Через пять солов комиссия получает промежуточный отчёт. Дата публичного цветения остаётся прежней до отдельного решения.

— Это противоречие, — сказала Ирина.

— Это срок.

— Бутон не читает протоколы. Мы уже потеряли сол света.

— Поэтому за пять солов принесите данные, после которых можно принять решение.

Таисия посмотрела на Ирину, но ничего не сказала. Она обещала не выдавать профессиональный спор за союз. И всё же её молчание сейчас оказалось полезнее защиты: решение совета нельзя было списать на давление приезжей комиссии.

— В протокол, — сказала Ирина. — Я считаю сохранение даты политическим требованием, а не техническим прогнозом.

— Внесите, — ответил Дамир.

Заседание завершилось, но люди не разошлись. На экранах продолжали идти сообщения о воде, корабле и лекарствах. Белого цветка больше не было, а число сорок один осталось. Система отсчитывала время от старого расписания, потому что новое никто не решился назвать.

У выхода Мару перехватила женщина из медицинского блока. Ирина узнала её по голосу — та спрашивала о препаратах для сына. Мара увела её к отдельному терминалу и стала показывать транспортные резервы. Не успокаивать, а считать.

Дамир догнал Ирину у шлюза.

— Я не собирался скрывать лекарства.

— Вы скрыли условие контракта.

— Я пытался не превращать каждый технический сбой в плебисцит.

— А получилась зависимость, которую нельзя обсуждать без обвинения в жестокости.

— Получилось поселение, у которого нет лишнего корабля.

Он выглядел старше, чем утром. Ирина вспомнила, что Дамир прилетел на «Эос» не руководителем. Он монтировал первый тепловой контур и однажды провёл шесть часов снаружи, удерживая руками треснувшую муфту, пока внутри падало давление. Его ошибка была не в безразличии. Он слишком хорошо помнил время, когда любое сомнение могло оставить людей без воздуха.

— Пять солов, — сказал он. — Потом мне нужен ответ.

— У меня может не быть ответа.

— Тогда принесите границу, за которой ждать опаснее, чем действовать.

Это было почти разумно. Именно поэтому Ирина не смогла возразить сразу.

В сад она вернулась через сервисный коридор. Там уже стояли прозрачные баки ручного питания, шланги и подписанные сборники дренажа. Лея вывела график смен на стену.

— Совет дал воду? — спросила она.

— Дал в долг.

— У воды здесь всегда один кредитор.

Они начали с первой гряды. Автоматика обычно подавала раствор микропорциями, сверяясь с влажностью каждого корневого кармана. Теперь клапаны были закрыты, и Ирине приходилось вводить питание через боковые порты. Ошибка в двадцать миллилитров могла изменить солёность пробы. Ошибка в двести — погубить растение.

Белый бутон стоял под холодным светом, туго свёрнутый, с едва заметной зеленоватой жилкой. После карантина он перестал расти, но не увял.

— Его покажут на Земле? — спросила Лея.

Ирина проверила массу пакета.

— Не знаю.

— Вчера вы сказали, что покажут.

— Вчера я не знала того, что знаю сегодня.

Лея промолчала. Она должна была улететь на «Меридиане», и каждое честное слово Ирины отодвигало её возвращение домой. Ирина хотела сказать, что найдёт другой рейс, договорится, не позволит. Старое обещание уже поднялось к горлу.

— Если посадочный модуль отменяют, — сказала она вместо этого, — я помогу собрать варианты. Но не буду решать за тебя, ждать ли следующего окна.

Лея затянула фиксатор на шланге.

— Отличное время учиться не распоряжаться чужой жизнью.

— Плохого у нас нет.

Лея усмехнулась без веселья, но напряжение в её плечах ослабло.

Ручное питание заняло четыре часа. Каждый пакет взвешивали до и после, каждый порт протирали и фотографировали. Таисия появилась в начале третьего часа с результатами промежуточной калибровки. Она не вошла за жёлтую линию, пока Ирина не закончила соединение.

— В слепой серии семь кассет достигли порога изменения, — сказала она. — Восемь сохраняют периодичность. Для раскрытия кода рано.

— Сколько нужно?

— Минимум двадцать четыре события и совпадение двух методов.

— Через пять солов будет достаточно?

— Возможно.

Ирина опустила пустой пакет в контейнер.

— Совет любит это слово меньше, чем вы.

— Совет просит у науки разрешение не выбирать.

— А вы просите у поселения время, которого у него нет.

Таисия приняла удар без заметного движения.

— Да. Время тоже расходуется. Его нужно указывать в цене опыта.

Она подошла к стеклу. За ним Лея подключала следующую гряду.

— Вы забрали воду из жилого резерва?

— Восемьсот шестьдесят литров на пять солов.

— Если бактерия ускоряется под весенним светом, сохранение растений увеличивает риск.

— Если я заморозу их сейчас, мы потеряем возможность сравнить путь загрязнения при рабочей нагрузке.

— И сохраните М-нить от дополнительного воздействия.

— Возможно, — вернула Ирина.

На этот раз уголок рта Таисии дрогнул.

— Совет тоже любит это слово меньше, чем вы.

Между ними оставалось стекло, жёлтая линия и расследование, в котором любое прикосновение можно было истолковать как влияние. Ирина вдруг слишком ясно увидела тонкий шрам у Таисии под подбородком и сразу отвернулась к показаниям влажности.

— Пойдёмте к Нике, — сказала она. — Нам нужен честный расчёт света.

Операторская зеркального роя находилась над северным шлюзом. В отличие от сада, там не было ничего живого: чёрные панели, кресла на шарнирах и огромная проекция орбит. Сотни отражателей выглядели золотой пылью, рассыпанной вокруг Марса.

Ника сидела босиком, поджав одну ногу. На столе остывал ужин. Она не повернулась, когда вошла Ирина.

— Если вы просить вернуть вчерашний манёвр, машина времени в соседнем модуле.

— Совет оставил дату.

— Совет может оставить и земной закат. Орбита не обязана присутствовать.

Ника развернула модель. Пропущенная коррекция образовала в золотой сетке тёмный сектор. Следующая команда могла сдвинуть часть зеркал, но их траектории сходились слишком близко.

— Здесь рой входит в каскад прогрева, — сказала она. — Через три сола отражатели разойдутся по рабочим дорожкам. После этого вывести весь поток из долины без риска столкновения нельзя до пика окна.

— Насколько уменьшить можно?

— На восемнадцать процентов штатно. На двадцать семь, если создать теневой коридор и принять потерю двух аппаратов из-за нехватки топлива. Но решение нужно принять до следующей коррекции.

Таисия приблизила карту теневой скважины.

— Коридор можно провести над N-4?

— Можно провести линию шириной сто восемьдесят метров. Она накроет скважину и северный край сада.

— Температура грунта?

— Минус семь десятых от прогноза в первые сутки, потом разница вырастет до двух и трёх. Бактериальный обмен замедлится. Люпину это тоже не понравится.

Ирина смотрела, как тень проходит через первую гряду. Бутон «Зари» попадал точно под неё.

— Когда манёвр станет необратимым? — спросила она.

— Частично уже стал. Полностью — через пятьдесят два часа. После команды коридора я не смогу вернуть прежнюю освещённость в праздничный день.

— Почему этого нет в докладе совета?

— Потому что меня пригласили сообщить запас мощности, а не смысл слова «дата».

— Ника.

Сестра наконец повернулась. Усталость делала их похожими: одинаковые тени под глазами, одинаковая привычка сжимать левую ладонь.

— Не начинай, Ира. Ты вчера попросила один виток. Я дала один. Теперь у тебя не сорок один сол. У тебя пятьдесят два часа до выбора, будет ли у долины прежняя весна.

— Ты могла предупредить раньше.

— Предупреждала. Три недели назад, когда просила не связывать праздник с единственным орбитальным окном. Ты сказала, что растениям нужен ясный график.

Ирина помнила разговор. Она тогда ответила, что сад нельзя выращивать из одних оговорок.

— Мне нужен расчёт коридора, — сказала Таисия. — Не рекомендация. Все режимы, расход топлива, вероятность потери аппаратов.

— Получите через шесть часов.

— Через четыре, — сказала Ирина.

Ника медленно поднялась.

— Нет. Через шесть. Моя смена работает с ночи, и двоих я сейчас отправлю спать. Если тебе нужен честный расчёт, он будет сделан людьми, которые различают цифры.

Ирина уже открыла рот, чтобы напомнить о пяти солах, о воде, о «Меридиане». Таисия молчала. В этом молчании не было поддержки ни одной из сестёр — только место, где Ирина могла услышать собственную просьбу.

— Через шесть, — согласилась она. — Что тебе нужно от сада?

— Температурные пределы для каждой гряды. Не средние. И момент, после которого охлаждение убьёт бутон.

— Подготовлю.

Ника кивнула и снова повернулась к орбитам. Разговор закончился без прощения и без новой ссоры. Пока этого хватало.

В коридоре Таисия задержалась у окна внешней камеры. За толстым стеклом лежала долина Нереиды. Солнце казалось маленьким и резким, пыль ползла по грунту длинными прозрачными языками.

— Вы знали, что сестра против даты? — спросила она.

— Знала, что считает её хрупкой. Это не то же самое.

— Иногда люди говорят точнее, чем мы готовы услышать.

— Это профессиональное заключение?

— Личное наблюдение. Можете не принимать.

Ирина посмотрела на неё. После долгих часов за общей работой простая оговорка — можете не принимать — подействовала сильнее утешения.

— Приму к сведению, — сказала она.

— Ужасная формулировка.

— Зато не принимает решения за нас.

Таисия тихо рассмеялась. Смех длился секунду и ничего не обещал.

В саду Ирина внесла пределы температур в модель зеркального роя. Потом открыла календарь проекта и впервые удалила закреплённую строку «Первое цветение — сол 184». Система спросила, чем заменить событие.

Она написала: «Точка решения — после данных».

На общем экране поселения счётчик продолжал показывать сорок один. В лаборатории копились линии слепого опыта. В резервуарах стало на восемьсот шестьдесят литров меньше, а над Марсом зеркала приближались к траектории, с которой нельзя было повернуть без потерь.

До промежуточного отчёта оставалось пять солов.

До настоящего выбора — пятьдесят два часа.

Глава 5. Чужая стерильность

Картридж лежал на столе так, будто его уже признали виновным.

Старый, серый, с потёртой маркировкой первой садовой партии. По краям корпуса въелась рыжая пыль, на клапане осталась белая корка высохших солей. Рядом, в прозрачном пакете, лежал новый картридж из запаса — гладкий, синий, почти неприлично чистый. Между ними техник карантинной смены поставил красную табличку: «Источник загрязнения».

Ирина сняла табличку прежде, чем поздоровалась.

— Мы ещё не знаем, источник ли это.

— След ведёт сюда, — сказал Арсен Глухов, старший техник «Капилляра». — Партия ноль-семь. Та же бактерия в архивной смывке. Картриджи принимала садовая группа.

За стеклом лаборатории стояли трое его сменщиков. Они смотрели не на картридж, а на Лею, которая принесла журналы приёмки и теперь держала планшет обеими руками. Усталость стёрла с её лица привычную насмешку.

— Партию принимала я, — сказала Ирина. — Лея тогда ещё училась на Земле.

— Ваша подпись стоит на итоговом акте. Первичную стерильность подтверждал Юн Коваль.

— Значит, проверяем мои журналы и журнал Юна. И ваш монтажный протокол тоже.

Арсен нахмурился.

— Наш контур был чистым.

— Если бы мы уже знали, что было чистым, расследование не понадобилось бы.

Таисия вошла через внешний шлюз и остановилась у жёлтой линии. На ней был серый карантинный комбинезон без знаков комиссии. Она посмотрела на пустое место перед картриджем.

— Кто присвоил статус источника?

— Рабочая пометка, — ответил Арсен.

— Рабочие пометки тоже попадают в память системы. Замените на «объект К-семь, происхождение не установлено».

Арсен убрал красную карточку в ящик. Ирина почувствовала облегчение и сразу рассердилась на себя за него. Она не нуждалась в том, чтобы Таисия встала на её сторону. Особенно потому, что Таисия не вставала: она защищала порядок доказательства, а не садовников.

Таисия вывела три спектра. Первый принадлежал налёту из нижнего фильтра, второй — повреждённой оболочке из пробы N-4, третий — архивному смыву с картриджа. Пики стояли близко, но не одинаково.

— Родственный профиль жирных кислот, — сказала она. — Этого достаточно, чтобы проверить связь, и недостаточно, чтобы объявить её. В архивном смыве нет материала для полного чтения генома. Есть только высушенные остатки и запись прибора девятилетней давности.

— Тогда почему след привёл к картриджу?

— Его номер повторяется в истории замен на первой гряде и в старом контуре теневой скважины.

Лея подняла голову.

— Картридж сада не мог оказаться у скважины.

— Сам картридж — нет, — сказала Таисия. — Раствор из него мог.

На схеме «Капилляра» загорелись две ветви. Сейчас между ними стояли четыре обратных клапана и изолирующая ёмкость. Девять лет назад, при сборке «Эоса», линии на одиннадцать дней соединяли через мобильный смеситель. Поселению не хватало воды, и монтажники промывали садовые трубки тем же рассолом, которым испытывали внешний коллектор.

— Это был пусковой режим, — сказал Арсен. — После него систему стерилизовали пероксидом и сухим прогревом.

— Температура на стыках? — спросила Ирина.

— Сто двадцать.

— По датчику камеры или металла?

Арсен не ответил сразу.

— Камеры.

Ирина вспомнила первые недели сада. Пустые гряды, пахнущие полимером. Юн учил её проводить ладонью над трубой и искать холодные места, которые прибор усреднял до нормы. Они нашли тогда три непрогретых колена и заменили уплотнения. Про картридж он ничего не говорил.

— Нужна ведомость температур по точкам.

— Архив глубокой очереди. Подъём займёт половину смены.

— Поднимайте.

— У нас закрыты две линии и люди вручную носят воду.

— Поэтому не будем тратить смену на обвинение того, кого удобнее обвинить.

Стекло отражало их лица поверх схемы: садовники с одной стороны, техники с другой, Таисия у границы. Ещё вчера это разделение казалось Ирине профессиональным. Сегодня каждая линия ответственности могла стать местом, куда спихнут неизвестность.

Мара пришла с ключом слепого опыта на шнуре у запястья. Она потребовала открыть для жителей журнал расследования, но скрыть имена исполнителей до установления нарушения.

— Люди уже пишут, что приезжая комиссия принесла бактерию, — сказала она. — Другие уверены, что сад годами травил долину. Если оставить пустоту, её заполнят фамилиями.

Арсен кивнул на Таисию.

— Шлюз планетологов опечатали первым. След появился после прибытия комиссии.

— След обнаружили после её прибытия, — поправила Ирина. — Это разные утверждения.

Она передала Маре доступ к своим рабочим журналам: закупки семян, замены фильтров, отклонения стерилизации, личные пометки, даже те, где называла карантин избыточным. Система предупредила, что в записях есть закрытые данные сотрудников.

— Персональное убери, — сказала Мара. — Решения оставь.

— Там мои предварительные оценки.

— Ты хочешь прозрачное расследование, в котором никто не увидит, как ты ошибалась?

Ирина задержала палец над подтверждением. Девять лет сад был её доказательством: людям можно пустить корни там, где до них не было ни одного земного листа. Теперь те же журналы могли показать, сколько раз она принимала отсутствие сигнала за отсутствие риска.

— Открываю.

Лея резко повернулась.

— Мои записи там тоже есть.

— Только рабочие решения. Если найдёшь личное, закроем.

— Вы уже решили.

Ирина услышала собственный голос из прошлых лет: я отвечаю, значит, я решаю. Она отступила от терминала.

— Верно. Просмотри выборку первой. Без твоего согласия твои комментарии не публикуем. Но операции с системой останутся в журнале без имени.

Лея взяла планшет. Напряжение не исчезло, однако теперь у него появилась граница.

К полудню архив поднял ведомость старого прогрева. В двадцати семи точках температура достигла нормы. На стыке мобильного смесителя датчик вышел из сети на четырнадцать минут. В итоговом акте провал заменили расчётным значением.

Подпись Юна стояла под строкой «биологическая безопасность подтверждена». Подпись Ирины — ниже, под приёмкой садового контура.

— Расчётная температура могла быть достаточной, — сказал Арсен.

— Могла, — согласилась Таисия. — А могла оставить высушенную биоплёнку в уплотнении. Нам нужен сам смеситель.

Его разобрали восемь лет назад. Корпус переплавили, насос стоял в учебном стенде, а два керамических клапана числились в садовом складе.

Ирина закрыла глаза на секунду.

— Я знаю, где они.

Склад располагался за проращивателем. В нижнем ящике хранилось то, что Ирина называла «последним шансом»: детали снятых систем, обрезки труб, мембраны с истёкшим сроком, которые нельзя было ставить в рабочий контур, но можно было разобрать ради редкого крепления. На Марсе выброшенная вещь становилась землёй, которой у людей не было.

Керамические клапаны лежали под коробкой фитингов, завернутые в старую ткань. Один был чистым. На внутреннем кольце второго темнела тонкая зелёно-серая кайма.

Никто не произнёс слова «бактерия».

Таисия взяла контрольный смыв с ткани и только затем коснулась клапана стерильным тампоном. Ирина отмечала каждое движение в журнале. Лея снимала непрерывное видео. Арсен держал контейнер и выглядел так, словно хотел извиниться, но ещё не выбрал перед кем.

Экспресс-анализ дал слабый пик, родственник *Terrabacillus viridis*.

— Значит, садовый склад, — сказал Арсен.

— Значит, клапан из общего пускового контура сохранил след, — ответила Ирина. — В садовом складе он оказался потом.

— И девять лет лежал рядом с вашими деталями.

— Не рядом с рабочими. Но да, это нарушение хранения. Моё нарушение. Я разрешила сохранять списанные детали без герметичных пакетов.

Признание оказалось легче, чем попытка выбрать невиновного. Оно не решало происхождение бактерии, зато возвращало каждому факту его настоящий вес.

— Клапан мог загрязнить склад, — сказала Таисия. — Или загрязниться в нём. Направление по одному смыву не установить. Проверим ткань, ящик и соседние детали.

Картридж вскрывали почти три часа. Каждый болт помещали в отдельный пакет, каждый слой фотографировали под двумя углами. Под внешней сеткой нашли сухой фосфатный осадок. Под мембраной — четыре тёмные точки, расположенные не по потоку, а вдоль заводского шва.

— Если загрязнение пришло с раствором, след тянулся бы от входного канала, — сказала Ирина.

— Если мембрана не высыхала неравномерно, — заметила Таисия.

— Она стояла вертикально. Нижний край должен быть грязнее. А точки идут по шву.

Четыре колонии были мертвы давно, но их оболочки застряли в полимере ещё до того, как картридж наполнили питательной смесью.

— Земное производство, — сказал Арсен.

— Возможно, — сказала Таисия.

— Опять возможно?

— Пока у нас один картридж, это честнее, чем «источник».

Партия ноль-семь была изготовлена на орбитальной фабрике «Ковчег-Л». Стерильность подтверждали выращиванием на трёх стандартных средах. *Terrabacillus* в высушенном состоянии на них не просыпался без определённого сочетания фосфата и света.

— Мы проверяли не ту стерильность, — сказала Ирина.

— Проверяли ту, которую умели измерять, — ответила Таисия.

— И называли её полной.

Мара опубликовала промежуточную запись: обнаружены старые следы бактерии в заводском шве картриджа и на детали пускового контура; направление переноса не установлено; данных против членов нынешней смены нет. Через минуту под сообщением появились первые вопросы. Через две — первое требование назвать виновного производителя. Фабрики не существовало уже шесть лет.

— Удобный виновник, — сказала Мара.

— Мёртвый, далёкий и без доступа к нашим клапанам, — ответила Ирина. — Значит, недостаточный.

Она открыла все свои журналы приёмки, кроме строк, которые Лея пометила как личные. Потом добавила примечание к старому акту: «Подтверждённая стерильность означала отсутствие роста на стандартных средах. Она не подтверждала отсутствие высушенных клеток».

Это не меняло прошлое. Но не давало ему притворяться более точным, чем оно было.

Вечером Ника прислала расчёт теневого коридора. Шесть вариантов показывали цену в температуре, урожае и топливе. Самый мягкий сохранял бутон, но почти не охлаждал N-4. Самый сильный защищал скважину и обрекал первую гряду на потерю цветения. Между ними оставалась узкая полоса режима, где исход зависел от скорости бактерии под весенним спектром.

— Нам нужен коэффициент света, — сказала Ирина.

— Он уже есть в слепом опыте, — ответила Таисия. — Но код нельзя раскрывать до порога.

На панели событий стояло двадцать одно изменение. Требовалось двадцать четыре.

Они остались в ночной смене. Мара ушла спать, забрав ключ в запечатанном браслете. Арсен отправил людей проверять склад. Лея закончила питание и легла в комнате отдыха. В лаборатории работали насосы кассет, и каждые четыре минуты спектрометр проводил по стене бледную линию.

Ирина принесла два стакана горячей воды с листом мяты из закрытой гряды. Таисия проверила номер растения и отметку допуска, прежде чем взяла свой.

— Вы даже чай превращаете в протокол, — сказала Ирина.

— Это не чай. Это горячая вода, рядом с которой когда-то росла мята.

— На Марсе определения становятся скромнее.

— И точнее.

Они сели по разные стороны стола. Без свидетелей и срочных команд тишина изменилась. Ирина слышала дыхание Таисии, видела, как та согревает пальцы о стакан. За последние сутки они спорили о свете, воде, словах и вине; странным образом именно это делало молчание безопасным.

— Почему вы выбрали планетарную защиту? — спросила Ирина.

Таисия посмотрела на неё поверх стакана.

— Это вопрос к эксперту?

— Нет.

— Тогда зачем он сейчас?

— Потому что мне интересно. И потому что я не уверена, имею ли право спрашивать.

— Спросить имеете. Я могу не отвечать.

Таисия провела пальцем по краю стакана.

— На Европе я участвовала в бурении. Мы нашли соляную линзу с органическими цепочками. Ничего, что можно было назвать жизнью. Руководитель решил расширить скважину до подтверждения. Буровой раствор смешался с линзой. Мы получили больше материала и навсегда потеряли возможность узнать, каким он был до нас.

— Поэтому вы закрываете раньше, чем уверены.

— Поэтому я стараюсь не путать незнание с разрешением. Иногда слишком усердно. Последние слова были сказаны без приглашения утешать. Ирина не стала говорить, что Таисия поступила правильно. Она спросила:

— Вы после этого ушли из группы?

— Через три месяца. Сначала закончила журнал образцов, чтобы мой уход не уничтожил ещё и данные.

— Я бы, наверное, осталась спасать проект.

— Я знаю.

В этих двух словах не было насмешки. От этого они прозвучали почти нежно.

Спектрометр подал сигнал двадцать второго события. Ирина встала слишком быстро, задела край стола, и вода качнулась в стаканах.

— Ирина, — сказала Таисия.

Впервые она произнесла её имя без должности. Ирина обернулась.

— Мне тоже интересно, почему вы остались на Марсе после первого контракта. Но я не хочу спрашивать сейчас.

— Почему?

— Потому что мы вместе расследуем решение, за которое вы можете лишиться должности, а я могу рекомендовать закрытие вашего сада. Любой ответ станет частью близости, которой одна из нас потом может воспользоваться, даже невольно.

— Вы думаете, я пытаюсь на вас повлиять?

— Нет. Если бы думала, разговор был бы короче. Я говорю о границе до того, как она понадобится.

Стыд сменился уважением. Граница не отменяла возникшее между ними; она признавала его достаточно реальным, чтобы не делать вид, будто ничего нет.

— Никакой личной близости, пока мы в одном расследовании, — сказала Ирина.

— Да.

— И никаких решений за другую под видом профессиональной заботы.

— Это уже ваша поправка.

— Возражаете?

— Нет.

— Тогда внесём в протокол?

Таисия улыбнулась — открыто, устало и тепло.

— Не всё обязано быть в общем журнале.

Двадцать третье событие пришло через час. Двадцать четвёртое — ещё через сорок семь минут. Мара вернулась, проверила целостность браслета и вставила ключ в терминал. Второй ключ автоматического арбитра открылся только после подтверждения двух методов.

Коды развернулись в таблицу. Часть кассет с бактерией не изменилась. В некоторых контрольных образцах ритм М-нити колебался сам. Таисия переставила графики по фосфату, Ирина — по температуре. Тогда на экране появилась закономерность.

При холодном служебном свете разрушение шло медленно и часто останавливалось после истощения растворённого фосфата. Под спектром весенних зеркал те же концентрации бактерии меняли М-нить в среднем втрое быстрее. В кассетах с повышенным фосфатом скорость возрастала ещё сильнее.

— Свет не просто греет, — сказала Ирина. — Он запускает обмен.

— Или меняет доступность поверхности М-нити, — уточнила Таисия. — Механизм пока не различён.

Они наложили лабораторную кинетику на карту долины. При полном весеннем потоке фронт воздействия мог достичь чистого участка у N-4 раньше промежуточного отчёта. При

теновом коридоре — замедлялся почти вчетверо. Ошибка оставалась большой, но направление было однозначным.

— Отправляем Нике вариант четыре, — сказала Ирина. — Предварительно. Пусть проверит столкновения.

— Он снижает прогноз цветения первой гряды до тридцати двух процентов, — напомнила Таисия.

— Знаю. Совет просил данные. Вот данные.

Мара уже готовила публичную карточку результата. Ирина остановила её.

— Сначала напиши, чего опыт не доказал. Мы не доказали, что М-нить живая. Не установили окончательный источник бактерии. Не знаем, происходило ли воздействие девять лет или началось сейчас.

— А что доказали?

Таисия кивнула, отдавая формулировку Ирине.

— При весеннем спектре земная бактерия меняет структуру М-нити быстрее. Наш праздник способен ускорить процесс, который мы не умеем обратить.

Почти одновременно пришёл ответ Ники: вариант четыре допустим; окно команды — тридцать девять часов; после исполнения вернуть прежний свет к праздничной дате невозможно.

Ирина открыла садовую камеру. Белый бутон «Зари» стоял под лампой, и на его внешнем лепестке появилась тонкая щель. Цветок готовился раскрыться, не зная ни о фабрике, ни о совете, ни о том, что свет над ним стал доказательством риска.

Рядом шёл журнал расследования. В нём больше не было красной строки «Источник загрязнения». Были заводской шов, старый клапан, провал датчика, её подпись, подпись Юна и пределы каждого метода.

Чужая стерильность оказалась не ложью. Она была обещанием, данным от имени мира, который никто не проверил целиком.

И теперь Ирине предстояло решить, сколько весны можно позволить обещанию, которому она больше не верила.

Глава 6. Дом, который обещали

В столовую принесли дерево.

Не настоящее — распечатанную из старого пластика стойку с тонкими ветвями, на которых жители развешивали карточки. На каждой нужно было закончить фразу: «Открытый сад нужен мне, потому что...» Мара поставила стойку у входа перед собранием и запретила подписывать ответы.

К началу трансляции ветви были заполнены.

«Чтобы моя дочь знала запах дождя не только по записи».

«Чтобы перестать считать каждый грамм груза с Земли».

«Чтобы были рабочие места после строительства».

«Чтобы мне разрешили остаться ещё на один контракт».

«Чтобы мы не превратили Марс в испорченную Землю».

Последняя карточка висела отдельно, на самой верхней ветви. Кто-то пытался снять её, но Мара вернула.

Ирина стояла у стены рядом с Леей и смотрела, как люди занимают столы. Обычно здесь пахло подогретым белком, металлом и раствором для посуды. Сегодня вентиляция добавляла запах пряных листьев: кухонная смена срезала часть базилика, который нельзя было больше держать в карантинной гряде. Аромат будущего сада пришёл на собственный суд.

Дамир не сел за стол совета. Он выбрал обычный стул в первом ряду. Таисия устроилась сбоку, у технического выхода, оставив между собой и Ириной расстояние, которое теперь было не случайностью.

Мара включила запись.

— Мы не голосуем за то, существует ли риск. Данные от этого не меняются. Мы собираем цену решений, которую специалисты могли не увидеть. Говорим по три минуты. Не спорим с чужим опытом. Вопросы — после круга.

Первой вышла Вера из медицинского блока, та самая женщина, которая спрашивала о препаратах для сына.

— Моему Лёше нужен новый иммунный набор с «Меридиана», — сказала она. — Если посадку отменят, запасов хватит на пятьдесят дней. Другой корабль будет не раньше чем через сто двадцать. Я хочу, чтобы цветение состоялось. И я хочу, чтобы вы не делали вид, будто это научный аргумент.

Она села, прежде чем кто-нибудь успел её пожелать.

Потом говорил сварщик внешних ферм. Он приехал на два года, прожил семь и не мог получить постоянный статус, пока поселение зависело от аварийной нормы поставок. Для него сад означал не цветы, а право перевезти мужа с Луны.

Учительница младшей группы рассказала, что дети рисуют дома без окон, потому что прозрачные стены для них означают опасность разгерметизации. Она хотела привести класс в открытый сектор без скафандров — не сейчас, когда воздух ещё непригоден, а через годы. Хотела, чтобы слово «сад» перестало быть комнатой с замком.

Инженер очистки попросил законсервировать опыт. Его дочь родилась на «Эосе», и потому он не считал её право на дом большим, чем право долины остаться неизвестной.

Каждое выступление меняло смысл обещанного цветения. Ирина записывала не выводы, а цены: лекарство, воссоединение, работа, память, риск. Ей хотелось объяснить каждому, что белый люпин никогда не решит всё это сам. Но именно она много лет показывала людям один бутон как начало решения.

Когда очередь дошла до Леи, та не поднялась.

— Я должна улететь на «Меридиане», — сказала она с места. — Значит, мне выгодно молчать о риске. Но я работала на первой гряде. Если мы откроем её и что-то уйдёт в долину, я буду помнить, что знала. Я не хочу выбирать между возвращением к матери и правом смотреть на себя без отвращения. Не называйте это добровольным выбором. Найдите другой транспорт.

Дамир опустил голову. Ирина увидела, как он добавляет строку в свой планшет.

Ника пришла после начала и стояла у двери. На её карточке допуска ещё мигал знак ночной смены. Когда Мара предложила ей слово, она отказалась.

— Ты рассчитывала зеркала, — сказала Ирина. — Люди должны услышать цену коридора от тебя.

— Цифры опубликованы.

— Цифры не рассказывают, что будет со сменой.

Ника посмотрела на неё долго, без прежней готовности уступить ради срочности.

— Хорошо. Вариант четыре потребует списать ресурс восьми отражателей раньше срока. Два могут потерять управляемость, но не упадут на поселение. Следующее весеннее окно будет слабее на шесть процентов. Моя смена три сола не выйдет из операторской. Если вы выберете коридор, это наша работа, а не жертва. Не благодарите нас вместо того, чтобы дать людям отдых после манёвра.

— Зафиксировано, — сказала Мара.

Ника осталась у двери. Ирина не позвала её к себе.

Когда круг закончился, на искусственном дереве добавилось ещё двадцать карточек. Ни одна не говорила: «Потому что будет красиво». Красота оказалась тем, что люди подразумевали после воздуха, лекарств и права остаться.

Дамир попросил закрытую пятиминутную паузу. Мара отказала.

— Всё техническое приложение открыто. Что вы хотите сказать без жителей?

— Ничего, что касается решения. Мне нужно сверить контракт.

Он вышел в коридор и взглядом позвал Ирину. Она пошла за ним, но оставила дверь открытой.

— Земной куратор согласен не отменять посадку до промежуточного отчёта, — сказал Дамир тихо. — При одном условии: мы не публикуем вывод о трёхкратном ускорении как подтверждённый до внешней экспертизы.

— Он подтверждён слепым опытом и двумя методами.

— На двадцати четырёх событиях из ста восьми. Формально это промежуточный сигнал.

— Мы так его и назвали.

— Слово «ускоряет» уже ушло в земные каналы. Если заменить карточку на «возможна зависимость от спектра», у нас будет пять солов и посадка останется в плане.

Ирина посмотрела через открытую дверь. Вера разговаривала с Леей. Учительница читала детям карточки с дерева. Таисия не могла слышать слов, но видела лицо Ирины.

— Вы предлагаете скрыть определённую, которая у нас есть, — сказала Ирина.

— Я предлагаю не выдавать предварительное за окончательное.

— Нет. Вы предлагаете изменить язык не потому, что он научно неточен, а потому, что точность мешает контракту.

— А если через два сола эффект исчезнет на полной серии?

— Тогда опубликуем исправление.

— Исправление не вернёт посадочный модуль.

— И посадочный модуль не вернёт М-нить, если мы ускорим разрушение.

Дамир сжал переносицу.

— Вы умеете быть честной, пока цену честности платят все.

Удар попал точно. Ирина вспомнила воду из жилого резерва, Леин билет, лекарства Лёши. Она могла согласиться на пять дней. Не отрицать данные — лишь подобрать осторож-

ные слова. Именно так начинались все удобные акты: измеренное значение заменяли расчётным, отсутствие роста называли стерильностью, рекламную посадку — системой жизнеобеспечения.

— Тогда вынесите условие к людям, — сказала она. — Пусть перевозчик письменно подтвердит: посадка зависит от того, назовём ли мы ускорение ускорением.

— После такого он откажется.

— Значит, это и есть решение перевозчика.

Дамир посмотрел на открытую дверь.

— Вы понимаете, что делаете?

— Наконец начинаю.

Она вернулась в зал и попросила Мару добавить условие к протоколу. Шум поднялся прежде, чем Мара закончила читать. Кто-то требовал принять компромисс, кто-то — показать переписку с куратором. Вера сидела неподвижно, сцепив руки.

— Я хочу лекарство, — сказала она, когда Мара дала ей микрофон. — Но если компания требует соврать ради него, не говорите потом, что это я заставила вас соврать.

Дамир опубликовал письмо куратора целиком.

В этот момент погас свет.

Не весь — аварийные полосы вдоль пола вспыхнули красным. Вентиляция продолжила гудеть. За стеной остановился кухонный насос, и внезапная тишина длилась ровно две секунды, пока система не подала сигнал водного контура.

«Несанкционированное изменение давления. Резервная линия К-4 открыта».

Ирина уже бежала к выходу.

— Закройте собрание по местам! — крикнул Дамир.

— Не закрывайте запись, — бросила Мара вслед.

Коридор до сада казался длиннее обычного. На каждом шлюзе Ирина подтверждала карантин, теряя по семь секунд. Таисия догнала её у второго барьера.

— К-4 куда ведёт?

— Из общего резервуара в наружный коллектор. Её не использовали после пуска.

— Там мог остаться старый след.

— Или теперь туда уйдёт новый.

На схеме давление росло за закрытым узлом два-бэ. Кто-то открыл обходную ветвь, минуя локальную петлю сада. Автоматика пыталась компенсировать потерю, подавая свежий раствор из общего резервуара. Ещё несколько минут — и содержимое дренажа достигло бы внешнего коллектора.

— Лея, перекрой питание гряд вручную, — сказала Ирина в канал.

— Уже у щита. Команда не проходит.

— Потому что К-4 имеет пусковой приоритет. Вытащи механический фиксатор.

— Тогда давление ударит в первую гряду.

Ирина увидела на схеме белый бутон. Увидела и N-4, где ритм M-нити ещё сохранялся.

— Пусть ударит. Открой сброс в сборники и отойди за экран.

— Посев затопит.

— Выполняй.

Слово прозвучало жёстко, но это была её профессиональная ответственность, а не право распоряжаться чужой жизнью. Лея подтвердила команду. На камере её фигура исчезла за защитной панелью. Через секунду линия первой гряды стала багровой. Прозрачные пакеты дренажа раздулись, один сорвался с крепления, и мутная вода хлынула в аварийный лоток.

Давление в К-4 перестало расти.

— Теперь клапан, — сказала Таисия. — Где физический привод?

— В сервисном тоннеле под лабораторией.

— Карантинный класс?

— Жёлтый до открытия линии. Теперь неизвестный.

Они натянули гермокапюшоны. Ирина внесла маршрут и цель выхода. Система потребовала вторую подпись.

Таисия поставила свою.

— Это не приказ комиссии, — сказала она. — Совместная аварийная операция. Вы ведёте до привода, я контролирую пробу.

— Принято.

Тоннель встретил их холодом и дрожью труб. Здесь нельзя было идти рядом: Ирина двигалась первой, Таисия следом, удерживая между ними длину страховочного троса. Под ногами блестел тонкий слой рассола.

Клапан К-4 стоял открытым на сорок три процента. Его электронный привод был отключён, а ручной маховик удерживала съёмная скоба.

— Это не сбой, — сказала Ирина.

Таисия подняла камеру.

— Ничего не трогайте. Сначала поверхность.

Они сняли отпечатки с маховика, скобы, пола и панели. След перчатки оказался смазанным, стандартный размер. На скобе осталась свежая царапина. Тот, кто открывал линию, знал, что автоматика не сможет её закрыть.

— Нам нужно перекрыть сейчас, — сказала Ирина.

— Зафиксировано. Поворачиваем вместе по счёту.

Маховик сопротивлялся. Ирина навалилась плечом, Таисия перехватила рукоять ниже. Через ткань рукавов они не касались друг друга, но Ирина чувствовала каждое движение Таисии как продолжение собственного усилия.

— Ещё четверть, — выдохнула Таисия.

— Давление падает.

— Не смотрите на экран. Держите.

Они закрыли клапан. Таисия первой убрала руки и проверила герметичность ультразвуком. Граница, установленная ночью, не мешала совместной работе. Она делала её яснее.

В саду первая гряда стояла по щиколотку в дренажной воде. Белый бутон склонился, внешний лепесток был надорван потоком. Лея уже собирала жидкость в аварийные кассеты.

— Наружный коллектор? — спросила Ирина.

Арсен ответил из диспетчерской:

— Поток дошёл до узла К-двенадцать. До выхода в грунт два клапана, оба закрыты. Берём пробы.

— Общий резервуар?

— Обратный перенос возможен. Изолирую весь сектор.

— Жилой контур связан?

— Нет. Пока нет.

Последние два слова заставили Ирину поднять голову.

На аварийном экране начали исчезать зелёные ветви «Капилляра». Арсен отсекал одну за другой, оставляя поселение на малом баке. Запаса хватало на девять часов.

Дамир вошёл в сад вместе с охраной. За ним пришла Мара, всё ещё с микрофоном собрания на воротнике.

— Запись выключена? — спросил Дамир.

— Нет, — ответила она. — Координаты тоннеля скрыты. Факт открытия линии слышали все.

— Теперь выключите.

— Почему?

— Потому что это расследование вмешательства.

— Именно поэтому жители должны знать, какие ограничения вводятся.

Ирина сняла внешний слой перчаток.

— Оставьте общий канал, но без имён и версий. Мы знаем только, что К-4 открыли вручную и заблокировали скобой. Не знаем кто и зачем.

— Кто имел доступ? — спросил Дамир.

Список появился на экране. Двадцать семь человек: техники, садовники, руководство, планетарная комиссия. Имя Ирины стояло шестым. Таисии — двадцать седьмым, её временный допуск выдали после карантина.

По залу столовой, всё ещё подключённому к каналу, прошёл шум.

— Не публикуйте список, — сказала Таисия. — Доступ не доказывает присутствие. Сначала журналы шлюзов и физические следы.

— Журналы уже показали шесть пропавших минут, — напомнил Дамир.

— Тогда установим, тот ли это провал. Не соединяйте события потому, что так получается история.

Охрана опечатала вход в тоннель. Ирина смотрела, как красная лента пересекает дверь, и думала о карточках на пластиковом дереве. Кто-то из двадцати семи считал, что спасает сад. Или корабль. Или долину. Саботаж всегда начинался как обещание, которое один человек присваивал себе право выполнить за остальных.

Ника подошла к повреждённой гряде. Она ничего не сказала о бутоне, только присела у аварийного лотка и проверила уровень.

— Ты приказала принять удар сюда, — сказала она.

— Иначе поток ушёл бы к скважине.

— Я не обвиняю. Просто хочу услышать, что это был выбор.

Ирина кивнула.

— Я выбрала риск для своего посева вместо риска для долины.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Хорошо, что ты называешь цену до результата. Бутон ещё может выжить, и тогда все решат, что цены не было.

Ирина посмотрела на надорванный лепесток. Вода медленно уходила в сборник. Корни люпина переживали недостаток кислорода; через час начнётся повреждение тканей. Спасти растение можно было только пересадкой, а она разрушила бы доказательства пути загрязнения.

— Не трогаем гряду до проб, — сказала она.

Ника поднялась.

— Я обновлю расчёт коридора с учётом затопления. Но команда всё равно нужна через тридцать восемь часов.

— Знаю.

— Нет, Ира. Ты знаешь цифру. Я спрашиваю, услышала ли ты меня.

Раньше Ирина ответила бы, что у неё авария и не время выяснять отношения. Теперь она заставила себя не отворачиваться.

— Услышала. Через тридцать восемь часов ты должна либо провести необратимый манёвр, либо оставить полный свет. Я не буду просить тебя задержать решение ещё на виток.

Ника кивнула. Это не было прощением. Это было точным соглашением.

Из наружного коллектора пришли первые данные. В К-двенадцать нашли слабый бактериальный пик. За последним клапаном, ближе к грунту, маркера пока не было.

— Удержали, — сказал Арсен.

— На пределе обнаружения, — поправила Таисия.

Он устало усмехнулся.

— Уже слышу ваш голос у себя в голове.

— Полезный симптом.

Ирина почувствовала, как напряжение на секунду отпустило людей. Потом экран общего резервуара мигнул жёлтым: неизвестная частица в возвратной пробе. Не бактерия, не М-нить — пока просто сигнал.

Дамир приказал перейти на девятичасовой запас малого бака и вызвать все смены очистки. На этот раз он сразу опубликовал цену решения: сокращение воды, остановка прачечной, возможное охлаждение двух жилых блоков ради энергии фильтров.

— Земному куратору что ответите? — спросила Ирина.

Он посмотрел на зал через камеру.

— Правду. Что у нас было ручное вмешательство и мы не меняем научную карточку.

— Посадку могут снять.

— Могут. Тогда будем искать корабль без рекламного условия.

— Почему теперь?

— Потому что кто-то уже решил за поселение, что результат важнее процедуры. Не хочу помогать ему тем же способом.

Мара вернула собрание к карточкам. Теперь вопрос звучал иначе: «Что из обещанного садом мы можем обеспечить без цветения?» Люди начали называть конкретные действия. Медицинский блок запросил обмен запасами с орбитальной станцией. Транспортники — разделение груза «Меридиана» и рекламного модуля. Учителя предложили детям вести открытый журнал сада вместо праздничной экскурсии. Сварщик внешних ферм записался в группу по новому контракту для семей.

Ирина слушала из затопленной гряды. Дом переставал быть одним событием, за которое отвечала она. От этого было больно и легко.

Белый бутон медленно поднялся на стебле. Надорванный лепесток не расправился, но вода стекла с него, и тонкая щель снова открылась навстречу холодному свету.

— Он выживет? — спросила Лея.

— Не знаю.

— Раньше вы бы сказали «да».

— Раньше я думала, что надежда требует уверенного голоса.

Лея закрепила новый сборник дренажа.

— А теперь?

Ирина посмотрела на людей, которые разбирали общее обещание на маленькие выполнимые дела. На Нику у карты зеркал. На Таисию, запечатавшую пробу из К-двенадцать. На Дамира, который собственноручно отправлял куратору неудобный протокол.

— Теперь думаю, что надежда выдержит правду.

Где-то за двумя закрытыми клапанами оставалась долина. В сервисном тоннеле свежая царапина хранила движение чужой руки. До команды зеркалам было тридцать восемь часов.

А у «Эоса» впервые не было одного человека, который обещал всем дом.

Глава 7. След в рассоле

Пылевая тревога началась через сорок минут после открытия К-4.

Снаружи ещё не было бури — только тонкая охряная пелена, стёршая дальний край долины. Но датчики на западном гребне уже передавали фронт: скорость ветра росла, электрический заряд пыли поднялся выше безопасного порога, связь с наружными узлами могла исчезнуть на несколько часов. В другое время все выходы отложили бы. Теперь рассол в К-12 медленно смешивался со старым содержимым коллектора, и каждый час превращал след в догадку.

Ирина стояла у стола аварийной лаборатории и смотрела, как Арсен строит модель потока. На схеме под садом расходились две системы. Зелёный «Капилляр» был нанесён ровно, с датами замен и подписями техников. Серые линии первого контура тянулись неровно и местами обрывались. Их проложили ещё до основания «Эоса», когда посадочный модуль «Ковчег» перерабатывал талый лёд для двенадцати строителей.

— По акту старый коллектор осушили девять лет назад, — сказал Арсен. — Но уклон здесь меньше проектного. В нижнем кармане мог остаться рассол.

— Сколько? — спросила Таисия.

— От нуля до сорока литров. Датчика уровня там нет. Последняя инспекция — робот, семь лет назад.

— Робот дошёл до кармана?

Арсен раскрыл журнал. На строке маршрута стояло: «участок признан недоступным, состояние рассчитано по соседним точкам».

Ирина прочитала дважды. Снова рассчитано вместо измерено. Поселение строилось из таких разумных замен: связь пропала, батарея села, смена опаздывала, а жить требовалось уже сегодня. Через годы примечание исчезало, итоговая галочка оставалась.

— Нам нужны пробы до того, как аварийный поток перемешает карман, — сказала она.

— И последовательность клапанов, — добавила Таисия. — Если К-4 открыли, чтобы выпустить загрязнение наружу, человек должен был подготовить путь. Если хотел подать старый рассол обратно в сад — другой путь.

Дамир стоял у двери. За время аварии он успел переодеться в рабочий термокомбинезон, но след от праздничного значка остался на воротнике светлым прямоугольником.

— Пылевой фронт будет здесь через двадцать две минуты. Наружные выходы закрыты.

— Вход в коллектор из нижнего сервисного купола, — сказала Ирина. — По поверхности идти девяносто метров.

— Именно поэтому закрыты.

Таисия не спорила. Она вывела на общий экран график смещения. Ещё через два часа различить старую биоплёнку и материал сегодняшнего сброса можно будет только по возрасту клеточных оболочек, а метод давал слишком широкий интервал.

— Отправьте робота, — сказал Дамир.

— Электростатика ослепит его лидер на поверхности, — ответил Арсен. — Кабельного прохода к старому куполу нет.

Ирина открыла регламент выхода. Красный запрет ещё не появился: прогноз оставлял восемнадцать минут до автоматической блокировки наружного шлюза. Вернуться они могли через нижний аварийный тамбур, не выходя на поверхность второй раз.

— Я знаю старую гидравлику, — сказала она. — Таисия ведёт отбор. Два человека, связка, маршрут без отклонений.

— Я могу запретить, — сказал Дамир.

— Можете. Тогда в протоколе будет ваше решение потерять временное различие проб.

Он посмотрел не на неё, а на Мару, которая вносила условия в открытый журнал.

— Семнадцать минут, — сказал он. — Если центральная автоматика закроет шлюз до выхода, остаётесь внутри. Никаких ручных обходов безопасности.

— Принято, — ответили Ирина и Таисия одновременно.

В раздевалке Таисия проверила крепления на ранце Ирины, затем повернулась спиной. Ирина так же последовательно подтянула её плечевые ремни, не касаясь ничего, кроме застёжек. После их ночного разговора любое движение обрело ясные границы. Это не делало близость меньше. Просто не позволяло ей притворяться случайностью.

— Обогрев правой перчатки отстаёт на два градуса, — сказала Ирина, увидев жёлтый знак на запястье Таисии.

— В допустимом диапазоне.

— Возьмите другой комплект.

— Этот прошёл тест. Другой не подогнан по длине пальцев, я потеряю точность на пробах.

Ирина хотела настоять. Вместо этого спросила:

— При каком значении прекращаем работу?

— Минус восемь внутри перчатки или потеря чувствительности. Я называю порог, вы не оспариваете.

— Согласна.

Наружный шлюз выпустил их в мир без горизонта. Пыль двигалась низкими полосами, как вода над красным дном. Солнце стало белым пятном. До сервисного купола тянулась цепочка синих огней; третий уже мигал, пятый исчезал под наносом.

Они шли на расстоянии четырёх метров, соединённые тросом и каналом костюмов. Ирина считала опоры вслух. На шестой порыв ударил сбоку. Она присела, вонзила шип ботинка в грунт и услышала, как Таисия делает то же самое.

— Не тяните меня, — сказала Таисия.

— Не тяну. Фиксирую свою точку.

Трос между ними дрожал, но не натягивался. Порыв ушёл.

У нижнего купола Ирина смела пыль с механического замка. Таисия держала фонарь так, чтобы луч не отражался от визора. Центральный шлюз сообщил, что до блокировки осталось четыре минуты. Они вошли в тамбур за одну.

Внутри пахнуть ничем не могло, но старый модуль казался Ирине солёным ещё до снятия шлема. Стены покрывал белый налёт, вентиляция работала короткими толчками. За прозрачной перегородкой уходил вниз узкий лаз.

— Связь с «Эосом» нестабильна, — сказала Мара в наушнике. — Ведём локальную запись. Подтвердите правило: при обрыве не продвигаетесь дальше следующей точки связи.

— Подтверждаю, — сказала Таисия.

Ирина повторила.

Первая точка находилась у клапана К-9. Маховик был закрыт, пломба цела. За ним старый коллектор расходился: верхняя ветвь вела к К-10 и садовому возврату, нижняя — через К-11 к карману, затем через К-12 к наружному сбросу.

На архивной схеме все три клапана числились закрытыми. Физический указатель К-10 показывал двенадцать процентов открытия.

— Пломба? — спросила Ирина.

Таисия приблизила камеру.

— Новая оболочка поверх старой проволоки. Номер совпадает с журналом, но полимер ещё не помутнел.

Кто-то аккуратно снял пломбу, повернул клапан и вернул оболочку. Не паника во время собрания. Подготовка.

Они не касались маховика. Ирина прочертила на схеме путь: общий резервуар — открытый К-4 — полуоткрытый К-10 — садовый возврат. Но поток во время аварии пошёл прежде всего вниз, к К-12.

— Одного К-10 недостаточно, — сказала она. — Чтобы рассол дошёл до наружной ветви, К-11 должен быть открыт заранее. К-12 могло сорвать давлением.

— Или его тоже подготовили.

У К-11 на полу лежали сухие соляные пластинки. Между ними темнела влажная дорожка. Таисия поставила три кассеты: с поверхности маховика, с верхнего слоя рассола и из глубины желоба. Ирина удерживала свет, называя каждое действие для журнала.

— К-11 открыт на шестьдесят процентов, — сказала Таисия. — Ограничитель снят инструментом. След свежий.

— Последовательность получается такая: сначала К-10 и К-11, потом К-4. Иначе датчик перепада поднял бы тревогу при первом движении.

— Значит, человек находился внутри станции, когда открыл К-4. Снаружи подготовить путь можно, но запустить поток отсюда нельзя: привод К-4 только в сервисном тоннеле.

— И он знал задержку старого датчика. Семьдесят секунд до тревоги.

Связь треснула.

— Повторите последнюю фразу, — попросила Мара.

Ирина повторила. Теперь это было не предположение о случайном сбое, а реконструкция: два старых клапана подготовили заблаговременно, затем изнутри «Эоса» вручную открыли К-4 во время общего собрания. Человек рассчитывал, что дренаж пройдёт к наружному коллектору прежде, чем автоматика поймёт ошибку.

— Мотив пока не установлен, — сказала Таисия.

— Вношу именно так, — ответила Мара.

Лаз к нижнему карману был рассчитан на ремонтного робота. Ирина спускалась на коленях, толкая перед собой герметичный ящик. Под решёткой блестела чёрная жидкость. Не сорок литров — самое большее восемь, но её поверхность была затянута рваными зелёно-бурыми островками.

— Не наступайте в желоб, — сказала Таисия. — Сначала обзор.

Она легла у края решётки, направила внутрь спектрометр. На запястье снова мигнул жёлтый знак.

— Перчатка?

— Минус четыре. Чувствительность есть.

Спектр появился на визоре Ирины: органический углерод, фосфат, соли железа, пигмент, похожий на старые оболочки *Tetrahacillus*. Но пики не совпадали с сегодняшней культурой.

— Это могло пролежать здесь с пуска, — сказала Ирина.

— Могло. Возраст не определён.

Таисия закрепила тонкий пробоотборник на телескопической рукояти. Нужно было провести его под поверхностной плёнкой, не задев стенку. Правая рука дрогнула.

— Минус семь, — сказала она. — Завершаю этот отбор и прекращаю точную работу.

— Нет. Порог минус восемь или потеря чувствительности.

— Я назвала прекращение раньше порога. Это моя оценка.

Ирина почувствовала почти физическое сопротивление собственного тела: забрать рукоять, сделать самой, сберечь Таисию и пробу сразу. Но квалификация Таисии не исчезла из-за неисправности. И договорённость не была уступкой до первого страха.

— Что вам нужно? — спросила Ирина.

— Зафиксировать локоть. Не кисть. И отслеживать температуру вслух.

Ирина легла рядом, упёрла ладонь в жёсткую накладку у локтя Таисии. Между ними оставались два слоя костюма и точно названное действие.

— Минус семь и две. Рукоять на три сантиметра левее. Минус семь и четыре.
Пробоотборник прорезал плёнку. В прозрачную ампулу втянулась тёмная нить рассола.
— Достаточно, — сказала Таисия.
Она сама запечатала клапан большим пальцем левой руки и передала кассету Ирине.
— Работа правой рукой прекращена.
— Принято.

Ирина достала аварийный химический пакет и обернула им предплечье поверх перчатки. Нагрев начался после перелома внутренней капсулы.

— Я могу идти сама, — сказала Таисия.
— Да. Я только включила резервный обогрев.
— Это я разрешила инструкцией комплекта.
— Именно поэтому.

За визором Таисия улыбнулась — коротко и устало. Ирина впервые увидела, как забота может не требовать благодарности и не создавать долга.

Они взяли ещё две пробы длинной автоматической пипеткой, которой управляла Ирина под командами Таисии. На внутренней стенке кармана обнаружился слой, не похожий на случайный осадок. Тонкие дуги повторяли форму старого рассольного уровня. Биоплёнка росла здесь, когда система ещё работала постоянно.

Под ней Ирина заметила белый пластиковый уголок.

— Маркировка контейнера, — сказала она. — Не трогаю. Увеличиваю.

На пластике проступили цифры: «ЗГ-0» и последние три знака партии — «014».

Ирина знала этот код. Земной грунт нулевого цикла, партия четырнадцать. Его привезли на «Ковчеге» для испытаний первой питательной смеси. По отчёту весь грунт стерилизовали после завершения опыта, контейнеры утилизировали.

— Фрагмент мог попасть сюда с промывкой, — сказала Таисия.
— Тогда биоплёнка старше сада. Возможно, старше «Эоса».
— Возможно. Не «точно».
— Я уже слышу ваш голос у себя в голове.
— Полезный симптом, — повторила Таисия слова Арсена.

Связь с поселением оборвалась окончательно. На локальном таймере загорелось правило возврата: до следующей точки связи не более пяти минут. Они опечатали кассеты, сфотографировали карман и поползли назад.

У К-10 Ирина остановилась. На корпусе клапана, почти скрытая под солью, была процарапана старая стрелка. Не служебная метка — кто-то когда-то отметил направление к садовому возврату. Свежая царапина пересекала её.

— Тот, кто готовил путь, мог знать систему по архиву, — сказала она в локальную запись.
— Но мог увидеть эту подсказку на месте.

Таисия включила свой фонарь и осветила пол. В сухой соли отпечатались два следа колена. Один свежий, их собственный. Второй был размыт влагой и покрыт тонкой пылью.

— Не датируем без анализа, — сказала она. — И не называем человеческим, пока не исключим сервисную манжету робота.

Ирина кивнула. Чем точнее они становились, тем меньше оставалось красивой версии с очевидным виновником. Зато появлялся путь, который можно было доказать.

Связь вернулась у верхнего тамбура.

— «Эос», это группа коллектора, — сказала Ирина. — Четыре опечатанные кассеты, один материальный фрагмент оставлен на месте, реконструкция ручной подготовки двух клапанов. Возвращаемся внутренним маршрутом.

Голос Мары прорвался сквозь шум:

— Принято. Состояние участников?

— Без травм, — ответила Таисия. — Отказ обогрева правой перчатки, работа прекращена до холодового повреждения.

— У наружного шлюза уже нулевая видимость. Внутренний маршрут свободен.

Они шли по старой гермогалерее почти километр. Когда Таисия сняла перчатку в медицинском тамбуре, пальцы были бледными, но чувствительность возвращалась. Врач прогрел кисть и запретил работу на два часа.

Ирина не осталась рядом без приглашения. Она отнесла кассеты в лабораторию, подписала передачу и через стекло наблюдала, как Мара делит материал на три независимые серии.

Первый быстрый анализ занял сорок семь минут. В поверхностной пробе обнаружили оболочки современной культуры — след сегодняшней аварии. В придонной пробе оказалась другая популяция: высушенные клетки с тем же родовым профилем, но с отличием в двух служебных маркерах. Таких маркеров не было в библиотеке нынешнего сада.

Арсен поднял грузовой реестр «Ковчега». Партия земного грунта ЗГ-014 была изготовлена за двенадцать лет до основания «Эоса». В ней использовали бактериальную добавку для связывания фосфата. Название штамма в реестре отсутствовало; документация поставщика потерялась при земной эвакуации.

— Это источник? — спросил Дамир.

— Это древний резервуар совместимого материала, — сказала Таисия, вернувшись с термоповязкой на руке. — Мы ещё не доказали, что именно отсюда бактерия попала в картридж ноль-семь или к М-нити.

— Но доказали, что загрязнение не принёс мой садовый состав три года назад, — сказала Лея.

Ирина посмотрела на неё.

— Мы доказали только, что более старый след существует. Твою смену нельзя было обвинять и до этого.

Лея выдохнула так, словно всё это время держала грудную клетку закрытой.

На экране восстановили последовательность действий. К-10 открыли не позже чем за двое суток до собрания. К-11 — вероятно, в последние шесть часов. К-4 — вручную во время погасшего света. Три действия, два места, знание гидравлики. Это мог быть один человек. Могли быть двое. Цель по-прежнему оставалась неясной: выпустить бактерию к долине, вывести старый след на датчики или создать аварию, которая заставит отменить цветение.

— Список доступа всё равно сузится, — сказал Дамир.

— По фактам, — ответила Мара. — Не по удобству.

Ирина открыла журнал старого коллектора. В нём было имя человека, принимавшего систему девять лет назад: Юн Коваль. Её наставник подписал акт осушения и строку о расчётном состоянии недоступного кармана.

Она не стала произносить его имя как обвинение.

— Юна нужно вызвать для объяснений, — сказала Ирина. — Он знает нулевой цикл лучше всех.

— Уже вызван, — ответил Дамир. — Его метка была в лабораторном архиве двадцать минут назад. Сейчас не отвечает.

Ирина почувствовала, как внутри поднимается готовая история: Юн видел старый налёт, Юн скрыл его, Юн открыл линию, чтобы доказательство наконец нашли. История была стройной и потому опасной.

Таисия встретила с ней взглядом через стекло.

— Мы нашли след, — сказала она. — Не виновника.

— Знаю.

На этот раз Ирина действительно знала разницу.

Глава 8. Наставник

Юна нашли в старом семенном хранилище.

Он сидел на полу между пустыми стеллажами, положив рядом снятый коммуникатор. Перед ним стояла прозрачная коробка с бумажными пакетами семян — бесполезный музей земного сада. Ни один пакет нельзя было открыть: влажность давно убила зародыши, зато на этикетках сохранился почерк первых поселенцев.

Ирина вошла первой. За ней — Мара как держательница протокола и Таисия с термопозывкой на правой кисти. Охрана осталась за дверью.

— Я не скрывался, — сказал Юн. — Здесь нет связи из-за свинцовой обшивки.

— Вы сняли коммуникатор, — заметила Мара.

— Потому что хотел десять минут без вопросов.

— Получилось сорок три.

Юн поднялся медленно, придерживаясь за стеллаж. Ирина впервые заметила, как постарели его руки. Именно этими руками он когда-то учил её раскрывать корневой ком, не разрывая тонкие волоски, и закрывать аварийный клапан на ощупь. «Садовник отвечает не за растение, — говорил он, — а за условия, в которых оно может обойтись без него».

Теперь на экране у Ирины стояла его подпись под расчётной стерильностью.

— Вы знали о ЗГ-014? — спросила она.

— О партии — да. О том, что контейнер остался в кармане, нет.

— Когда вы впервые увидели такой налёт?

Юн посмотрел на Таисию, словно надеялся получить от неё более узкий вопрос.

— За два года до запуска «Зари». На внутренней стенке старого фосфатного бака.

Ирина услышала, как Мара перестала печатать. Не от удивления — чтобы следующая фраза прозвучала отдельно.

— Вы сообщили службе защиты? — спросила Таисия.

— Нет.

— Внесли в журнал сада?

— Нет.

— Взяли пробу?

— Да.

Ответ был хуже молчания.

Юн провёл их к дальнему шкафу. За коробкой с этикеткой «земляника, ремонтантная» находилась механическая панель. Он приложил старый служебный ключ. Внутри стояла маленькая криокассета без сетевой метки.

— Она всё время была здесь? — спросила Ирина.

— Первые полгода — в лаборатории. Потом началась ревизия архивов, и я перенёс её.

— Спрятали.

— Сохранил.

— Не исправляйте слово.

Юн опустил глаза.

— Спрятал.

Таисия не приближалась к кассете.

— Никто не открывает шкаф до прибытия независимой группы отбора. Мара, зафиксируйте температуру и состояние пломбы.

Пломбы не было. Только полоска старого герметика, нанесённая рукой Юна.

Ирина хотела спросить «почему», но знала слишком много возможных ответов. Потому что запуск был нужен. Потому что сигнал казался слабым. Потому что один образец можно

было перепроверить позже. Потому что дом строили люди, которым некогда было ждать идеальной уверенности.

— Вы проверяли пробу? — спросила она.

— На стандартных средах роста не было. Спектр показал бактериальный пигмент и неизвестную минеральную фракцию. Я решил, что это мёртвый остаток пусковой смеси.

— И всё же сохранили.

— Потому что он менялся на свету.

Таисия сделала шаг вперёд.

— Как менялся?

— Не бактерия. Серый волокнистый осадок рядом с ней. Под лампой терял периодический рисунок. В темноте часть рисунка возвращалась.

М-нить. За два года до запуска сада Юн видел то же, что теперь измеряли сто восемь кассет.

— Почему вы молчали, когда получили предупреждение шесть солов назад? — спросила Ирина.

— Я не был уверен, что это тот же процесс.

— Вы не дали нам возможности проверить.

— Я хотел дожидаться открытого посева.

— Зачем?

— Потому что закрытая система ничего не доказывала. Если рисунок существует только в одном соляном кармане, это химическая редкость. Если он меняется вдоль настоящего потока воды и света — тогда у нас есть явление, которое заставит Землю слушать.

Ирина почувствовала холод сильнее, чем в коллекторе.

— Вы хотели использовать мой сад как опыт.

— Наш сад.

— Не говорите «наш», когда решение принимали один.

Юн вздрогнул. Этой фразе он сам научил её много лет назад, после того как Ирина без спроса переставила питательную линию молодой смены и спасла урожай. Тогда он заставил её вернуть людям право на ошибку, хотя её решение оказалось верным.

— Я думал, что риск мал, — сказал он.

— Вы думали за всех.

— Да.

Одно короткое признание не принесло облегчения.

Мара запросила независимый отбор. Пока группа шла, они остались у открытой панели.

Кассета тихо гудела, расходуя энергию поселения на тайну одного человека.

— Вы открывали К-10 или К-11? — спросила Таисия.

— Нет.

— К-4?

— Нет.

— Кто знал об образце?

— Никто, насколько мне известно.

— «Насколько известно» — не ответ. Кому вы показывали данные, называли место, отдавали ключ?

Юн перечислил: старый лабораторный техник, умерший три года назад; земной специалист по питательным смесям, связь с которым оборвалась при эвакуации; Дамир, которому два года назад он сказал только о «неразобранном пусковом осадке». Ирина слушала, как круг знания расширяется и остаётся бесполезно туманным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.